

[Перейти](#)

Иллюстрация: ОВД-Инфо, с использованием нейросетей

06.02.2025

Представления о репрессиях и политических преследованиях в России

Данное [исследование](#) было подготовлено командой [исследовательского центра имени Ханны Арендт](#) при поддержке ОВД-Инфо. Мы благодарим коллег за возможность опубликовать доклад и на нашем сайте.

Отдельную благодарность также хотим выразить нашим волонтерам за помощь с расшифровками интервью.

ВВЕДЕНИЕ

Последние годы масштаб и разнообразие репрессий усиливается. Согласно данным ОВД-инфо, на текущий момент за антивоенные действия по уголовным статьям преследуется более 930 человек, а по административным — более 9 тысяч. Для политических преследований могут использоваться разные инструменты, они могут быть как прямыми и даже демонстративными (насильственное подавление протестов, аресты независимых политиков и преследование их сторонников, пытки), так могут носить

и скрытый характер (слежка и контроль, внесудебное преследование, дискредитация и стигматизация).

При этом недостаточно известно о том, как происходящее воспринимается различными социальными группами, почему одни и те же репрессивные меры по-разному воспринимаются разными людьми и имеют различный эффект. Что такое репрессии? А политические преследования? Как люди определяют, является ли тот или иной случай репрессивным или нет? Настоящее исследование пытается ответить на эти вопросы и предложить детальное описание того, как люди воспринимают и определяют для себя политические репрессии, и в какой степени это восприятие зависит от степени информированности человека в актуальную политическую повестку. На основании полученных данных мы подготовили набор рекомендаций: как можно говорить о репрессиях с различными аудиториями, какие медиапродукты могут стать ответом на запросы аудиторий, погруженных и не погруженных в тему.

Этот текст предназначен для аналитиков, исследователей и стратегов, занимающихся вопросами политических репрессий в России. Основная цель настоящего исследования — выявить преобладающие в современном российском социальном контексте представления о репрессиях и политически мотивированном преследовании. Знания о том, как конструируются представления и отношения к политически мотивированным репрессиям могут быть использованы НКО, медиа и активистскими инициативами, которые работают над повышением информированности о политических репрессиях среди различных аудиторий.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ

Для получения знания о том, как разные люди воспринимают и представляют политические репрессии,

необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1** Какими системами аргументов описывают (make sense of), обосновывают и оправдывают (make believe) ситуации репрессий?
 - 1.1** Что в глазах людей делает события репрессиями? Какими атрибутами и характеристиками должна обладать ситуация, чтобы считываться репрессивной?
 - 1.2** Какие существуют представления (beliefs) о причинах и следствиях репрессий? Насколько эти представления подвижны, и какие интервенции способны изменить их?
- 2** Каковы контексты и ситуации, где и относительно которых используется слово «репрессии», близкие к нему слова и кейсы?
- 3** Существуют ли индикаторы/маркеры, которые бы позволили измерять представления о репрессиях с помощью опросов общественного мнения?

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование имеет качественный дизайн. Собранные для исследования материалы включают в себя 30 глубинных интервью. Для второго этапа исследования собраны материалы дискуссий в тематических сообществах и чатах, комментариев к медиаматериалам.

Информантов в интервью мы условно разделили на три категории:

- Эксперты — правозащитники и журналисты, люди, которые борются с репрессиями, концептуализируют их и влияют на публичный дискурс;
- Хорошо информированные граждане — граждане, чья деятельность не связана с концептуализацией репрессий, но кто ведет деятельность в политическом поле и с большой вероятностью как-то относятся к политическим событиям и новостям;
- Хуже информированные граждане — люди, которые не работают с темой политических репрессий и с большой вероятностью не читают о них.

Интервью с экспертами позволило нам изучить представления и действия акторов, влияющих на состояние репрессивного поля в России. Интервью с хорошо информированными и хуже информированными гражданами — представления о способах мышления, субъективном опыте переживания получения информации о репрессиях и гражданском активизме.

Отбор экспертов и хорошо информированных граждан производился на основании принадлежности к правозащитной организации или медиапроекту, сферы работы, экспертизы в теме репрессий или их восприятия. Рекрутинг осуществлялся с опорой на собственные контакты исследователей, помощь правозащитных организаций и технику снежного кома. Вопросы касались собственных и организационных определений и пониманий репрессий (в т. ч. на реальных примерах), представлений о своих аудиториях и стратегиях того, как подходить к решению проблемы репрессий (см. Приложение). С хорошо информированными гражданами также обсуждались кейсы.

Отбор хуже информированных граждан также проходил через личные контакты и метод снежного кома, но центральными факторами при отборе были медиапотребление (отсутствие новостного/

аналитического контента или чтение более консервативных ресурсов) и удаленность от столичных регионов. Вопросы касались биографической траектории и активисткой деятельности, осведомленности и представлений о репрессиях, восприятия информации о репрессиях на примере оценки кейсов.

На интервью предлагались 1-5 кейсов, отобранные совместно с командой ОВД-Инфо. Критерии отбора кейсов: мотивы преследования (религиозная, политическая идентичность, экстремизм, насильственные действия), степень преследования (уголовная, административная ответственность, внесудебное преследование).

Все интервью были транскрибированы и проанализированы путем кодирования на платформе Taguette. Первая итерация кодирования подразумевает открытый анализ смыслов текстов для выработки первой серии кодов (codebook). Затем остальные данные кодируются в соответствии с кодбуком.

Мы уделяем особое внимание безопасности участников исследования и исследовательской команды. У каждого информанта получено устное информированное согласие на участие в исследовании, т. е. все информанты были проинформированы о целях исследования и о том, как и в какой форме будут использоваться собранные данные. Было возможно полностью конфиденциальное участие в исследовании. Все данные интервью, а также контактные данные анонимизировались и хранились в защищенном облачном хранилище. Все имена, используемые в исследовании, являются псевдонимами.

Основным ограничением исследования является относительно небольшой объем собираемых данных, что затрудняет генерализацию полученных результатов на всю генеральную совокупность.

Другим ограничением является труднодоступность определенных аудиторий, особенно проживающих в малых городах и потребляющие информацию с помощью телевидения и радио. Хотя усилия для их достижения были приняты, риск их недопредставленности с учетом процедур рекрутинга в текущем исследовании остается высоким.

Наконец, желание и способность потенциальных информантов участвовать в исследовании затрудняло то, что исследование предполагает разговор на чувствительные темы, не широко представленные в публичном русскоязычном пространстве, и делается по заказу правозащитной организации.

РЕКОМЕНДАЦИИ

По публичным коммуникациям

Аудитории

1 Хуже информированная аудитория — те, кто потенциально может подвергнуться преследованиям или/и участвовать в практиках помощи и солидарности. В силу увеличения объема и непредсказуемости преследований, политически не вовлеченные граждане также имеют риски подвергнуться преследованиям. Им может быть сложно помогать: они не знают, как вести себя с правоохранительными органами, доверяют правоохранительной системе и ее представителям, не доверяют правозащитникам. Поэтому выстраивать коммуникацию с ними необходимо заранее. Эта аудитория не читает независимые медиа, но следит за региональными и городскими новостями, поэтому tone of voice должен соответствовать. Релевантность информации о репрессиях должна обосновываться через то, как репрессии касаются именно их и сообществ, к которым они чувствуют принадлежность. А информирование должно сопровождаться конкретными рекомендациями и инструкциями по защите себя и близких.

2 Аудитория, не потребляющая новости или не потребляющая их в интернете.

Доступ к такой аудитории возможен только опосредованно, через текущую аудиторию, или с помощью таких источников информации, как местные газеты, радио и телевидение. Основным риторическим приемом при коммуникации с ней должно стать информирование, а не переубеждение, избегание политических маркеров и нового для нее языка, интеграция в другие темы, которыми люди интересуются в повседневной жизни: культура, новости города, цены на продукты (т.е. полезно апроприировать язык государственных СМИ. Пример этой стратегии — газета «Женский взгляд», ex. «Женская правда»).

- 3 Хорошо информированная аудитория** — те, кто уже осведомлен о политических преследованиях, и/или выбирает стратегию избегания встречи с ними в потребляемом контенте.
- 4** Для такой аудитории подойдет разделение на аналитическое информирование и более личные, эмоциональные истории про тех, кого преследуют. В результате те, кто избегает информации о политических преследованиях из-за эмоционального выгорания от негативных новостей, не будет пропускать практически значимую информацию, необходимую для того, чтобы оставаться в курсе и действовать безопасно. Они смогут сами регулировать уровень эмоционального погружения в тему. Этой аудитории также требуются предложения по способам действия в повседневной жизни — как можно помочь пострадавшим, сопротивляться репрессиям и обезопасить себя.
- 5 Эксперты**, с которыми нам удалось поговорить, указывали на важность взаимодействия с аудиторией за пределами России — уехавшими россиянами и иностранной аудиторией. Это потенциальный ресурс финансовой помощи и другой поддержки, которую можно мобилизовать в случае необходимости.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯТЬ В КАЧЕСТВЕ РЕПРЕССИЙ

Представляя репрессии, можно опираться на логики аргументации, различая и предоставляя информацию по каждому из элементов логик — наказанию, поступку и деятельности преследуемого, обоснованности обвинения, роли государства.

Важно описывать различные варианты оснований репрессий, расширяя понятие политического: не только подавление инакомыслия, но и, например, пресечение гражданского активизма, барьеры для построения

сообществ, контроль публичных нарративов, использование политики в целях бизнеса и пр.

Стоит открыто, коротко и четко показывать основные атрибуты или варианты интерпретации политических репрессий, а также ситуации, в которых репрессии могут возникать — например, в обычной жизни человека, не связанного с политикой или активизмом.

Как представлять репрессии

1. Основное в подаче информации — **построение пространства диалога или самостоятельного размышления** реципиента. Многие отмечают, что информация о репрессиях часто заявлена как факт, с которым они могут согласиться или нет, но не хватает возможности задать больше вопросов или «принять» репрессивность частично, на основе согласия только с некоторыми из представленных аспектов.
2. Важно, чтобы при знакомстве с информацией человек знал, что выводы он делает самостоятельно, и у него **не возникало бы чувства манипуляции**. Любая напрямую не связанная с делом деталь может быть воспринята как манипулятивная, искусственно подталкивающая к эмпатии: например, один из респондентов указал, что чувствует понуждение пожалеть героев кейса, поскольку указано, что те музыканты. Вероятно, стоит отдельно изучить, что может считываться различными аудиториями в качестве манипуляции в представлении информации о репрессиях.
3. Навык распознавать ситуацию как репрессивную растёт **поэтапно** и включает множество различных аспектов, поэтому важно либо таргетировать материалы, либо предоставлять максимальное объяснение произошедшего — чем руководствовался преследуемый, а чем — следствие, какова практика наказаний за схожие

поступки вне ситуации политического преследования и т. п.

4. Другой вариант — **сегментация и таргетирование информации о репрессиях согласно типу читателя или возможность фильтровать** случаи репрессий по тем или иным характеристикам — по профессии (интересует многих), землячеству, семейной ситуации, возрасту и т. п. Использовать сети сообществ для распространения информации о преследованиях (например, «перешлите своим коллегам и другим врачам»). О том, что в первую очередь хотелось бы знать о «своих», нередко говорили сами респонденты — это дает представление о близости, реальности политического преследования.

5. Не погруженному в контекст человеку может быть сложно поверить в невиновность жертв политических репрессий, несправедливость решений суда и т. п., поэтому критически важно предоставлять им **тщательно проверенную** информацию о случаях, чтобы не подкреплять недоверие.

6. Хуже информированные граждане не всегда прослеживают связь между жизнью, моралью, деятельностью человека и вмененным наказанием. Дополнительный контекст помогает повлиять на восприятие истории и подчеркнуть, кто именно и за что страдает. Можно включать следующие компоненты:

- Жизненные обстоятельства до приговора, причину преследования, «жизненную правду» репрессированного и его/ее понимание справедливости.
- Возможность соотнестись с сюжетом: такой же учитель, такая же мать, такая же история, как в вашей семье в прошлом.
- Последствия приговора не только для человека, но и для косвенно пострадавших: возросших рисках, потерях семьи и пр.
- Адекватность протеста, за который дают наказание: в декорациях мирной жизни для кого-то уже идет гражданская война, и их действия укладываются в эту логику.
- Неадекватность приговора: жестокость наказания не соответствует обычным отечественным или мировым стандартам правоприменения.

7. Важно освещение не только задержаний и приговоров, но и **побед справедливости** — даже в частностях, если не было полной победы в суде. Это может быть информация о восстановлении справедливости после преследования, и даже о «возмездии». Также важно показывать случаи «неудавшихся» репрессий, когда преследования не добиваются своей цели запугать и лишит людей способности к действию.

8. Использовать **слова, которые не вызывают сопротивления у невовлеченной аудитории**, и/или объяснять, как спорные слова можно воспринимать. Больше внимание необходимо к употреблению следующих терминов:

- «Экстремистская организация», «терроризм», «нежелательная организация» — они могут создавать ощущение небезопасности от фигурантов дела и справедливости наказания как у хуже информированных, так и у хорошо информированных граждан.
- Термин «репрессии» имеет устойчивую ассоциацию со сталинскими репрессиями, поэтому может не подходить хуже информированным гражданам для понимания политических преследований сегодня. Можно попробовать показать единство механизмов, направленного на поддержание страха и подавление протеста, а также то, что пострадавшие от современных репрессий переживают схожие последствия, что и пострадавшие от сталинских репрессий: разрушение социальных связей, ограничения в работе, проблемы с физическим и ментальным здоровьем и пр.
- Наказание за протест — такой термин также будет понятен, особенно для ценящих право на протест.
- Наказание за убеждения — еще один вариант термина, акцентирующий внимание на твердости характера и смелости преследуемых.
- Политическое преследование — более «мягкий» по сравнению с репрессиями для экспертов (например, активист, получивший угрозы и вынужденный выехать из страны, может применить к своей ситуации «политическое преследование», но не «репрессии»), однако широкой аудиторией может восприниматься как нечто, связанное исключительно с политической деятельностью в узком смысле.
- «Нарушение международной конвенции», «неправомерный антиэкстремизм» и т. п. могут лучше восприниматься экспертами и специалистами в области правозащиты.

9. Объяснять, почему и законодательство, и практики правоприменения могут считаться репрессивными. Ставить под вопрос доверие суду, судебной системе, следователям.
10. Объяснять, что есть статьи, применение которых в большинстве случаев можно считать как политические репрессии (о дискредитации армии, о терроризме и экстремизме, о нежелательности и пр.), но не только они могут таковыми служить (также о педофилии, о наркотиках и пр.). Объяснять, что правоохранные органы могут фальсифицировать уголовные и административные дела в целях политического преследования, т. е. масштаб репрессий в целом выше, чем по сугубо политическим статьям.
11. Объяснять, какие формы может принимать гражданский и политический активизм и почему акт насилия можно считать антивоенным высказыванием, а принадлежность к конкретной группе — основанием для политического преследования.
12. Поощрять гражданскую сознательность и вынесение суждений о процессах и событиях, связанных с политикой и гражданским обществом. Демократизировать эти обсуждения, чтобы снижать страх не-экспертности.
13. Поощрять гражданское просвещение на уровне повседневной жизни — распространение информации среди родственников и друзей, которые не читают новости или не читают независимые СМИ.
14. Формировать чувство сопричастности и вовлеченности, показывать как-то, что что происходит «у них там в Бакале» касается всех нас.
15. Рассказывать о тех, кто занимается гражданским активизмом: их много или мало? Они похожи на меня, на него?

16. Обсуждать варианты этических позиций на исторических сюжетах, российских и международных. С одной стороны, это уже широко распространенная практика, с другой стороны, она позволяет держаться на комфортной дистанции от сегодняшних слишком тяжело переживаемых новостей о репрессиях.

17. Многие сопереживают случаям, где репрессированы «неудобные» люди — уволена честная врач из поликлиники, снят с должности открыто говорящий с жителями города мэр. Это ближайший аналог политических репрессий для некоторых хуже информированных людей — такой сюжет можно использовать для разговора о природе репрессий.

Возможные продукты

1. **Жизнеописание героев** с акцентом на их действиях как политических убеждениях/протесте.

2. **Отдельные метки или разделы-прожекторы для непростых случаев.**

Некоторые темы не укладываются в стандартную схему репрессивного случая. Таков, например, кейс Юрия Дмитриева, где репрессивная машина работала необычно даже с точки зрения экспертов. Подобные случаи, включенные без пояснений в общий корпус репрессий, могут вызывать вопросы и недоверие, поэтому возможно создание метки или раздела для **«исключительных случаев»**.

Другой тип сложного случая — репрессия относительно заведомо неприятной группы, не близкой большинству протестно настроенных людей: например, правоохранителей. Рассказ о таких кейсах, в т. ч. деятельности преследуемого, важно подсветить, поскольку он может давать особенно много надежды,

порождать солидарность не только с изначально «своими», но и с теми, кто чаще всего выступает врагом.

3. Понятная база кейсов/новостей с системой фильтров (которые человек выбирает самостоятельно), **готовая сегментированная информация (factsheet** о педагогах, пенсионерах и т. п.) или другие способы получить сводку дел по своей профессии, возрасту, гендеру, городу и т. п.

4. «Расследование расследования» — подобный запрос родился, когда респонденту хотелось показать причину своих сомнений в справедливости приговора (например, Юрию Дмитриеву). Также и доверие к суду, характерное для менее информированных людей, может зависеть от информации о работе судопроизводства, которой, однако, не ищут или избегают, т. к. опасаются не понять.

5. Моделирование суда присяжных для формирования альтернативного приговора — в этом случае можно было сравнить строгость наказания с выданным фактически. Эксперты говорят об этой ситуации гипотетически и, хотя, организация достойного «симулятора» суда присяжных требует большого вложения ресурсов, он мог бы на доказательной базе проиллюстрировать различие между репрессивным и справедливым приговором.

6. Рассказ о репрессиях как сборник абсурдов — поскольку для многих актуальна абсурдная природа репрессий, можно знакомить других именно с ней: с кейсами, иллюстрирующими случайный характер выбора жертвы репрессии, наказаниями за законопослушное поведение (за «нет вобле»).

7. Размещение материалов, в т. ч. сборников абсурда, **на популярных принципиально неполитических площадках** — блогах селебрити, трэвелблогах и т. п. — в этом случае информация воспринимается как более безопасная.

8. Мемы о событиях и пересказ сложных материалов через мемы.

9. **Коллаборации с другими изданиями**, как у ОВД-Инфо прежде было с Wonderzine или Лентачом. Разрабатывать материалы, с которыми невовлеченным читателям было бы легче соотнестись, чтобы постепенно погружать их в тему.

10. Для некоторых групп наиболее подходящая форма и смысл информации о репрессиях — «научная **библиотека**», «**архив**», который в данный момент ни к чему, кроме рефлексии, не побуждает, но потребуются позже, когда политическая ситуация изменится и нужно будет принимать решения. Это продукт, который хотелось бы использовать только в относительно безопасном будущем для реформ, а сейчас важно знать, что он пополняется.

11. Калькулятор рисков политического преследования.

Одним из наиболее распространенных эффектов восприятия репрессий, по заявлениям самих людей, является тревога о собственной безопасности, обращений по поводу своей безопасности в помогающие сервисы тоже становится больше. Алгоритмы, которыми пользуются правозащитники при консультациях по таким вопросам, могут лечь в основу автоматического калькулятора рисков, бота, который может давать рекомендации по минимизации рисков или стратегиям безопасности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Производство информации о политических преследованиях

То, как и в каких категориях разные группы людей думают о репрессиях и политических преследованиях, является

результатом деятельности активистов, юристов, правозащитников, журналистов и других профессионалов, которые влияют на формирование дискурса о репрессиях, политическом преследовании и давлении. Понятия, позиции и отношения постоянно изменяются под давлением внутренней рефлексии сообщества и внешних событий.

Оптики экспертов и хорошо информированных граждан

Помогать или не помогать

Внутри правозащитного сообщества существует специализация и разделение сферы экспертизы и поля деятельности. Связи и осведомленности внутри сообщества позволяют перенаправлять нерелевантные кейсы тем, в чью сферу экспертизы они лучше попадают.

Как правило, экспертиза, помощь и поддержка строится на основании сервисной помощи определенной группе преследуемых (например, задержанные на уличных акциях, преследуемые по статьям за преступления против государства и т.п). Сервисами в таком случае становятся услуги, которые решают наиболее критичные для этой группы проблемы. Например, передачи и юридическая помощь для задержанных, адвокация за тех, против кого запускаются уголовные или административные процессы, выезд из страны для тех, кто столкнулся или имеет высокие риски столкнуться с политически мотивированным преследованием, психологическая поддержка и т. д.

Кроме того, начав работать с одной проблемой, организация может расширять спектр тех, кому она помогает, или расширять список проблем одной группы, с решением которых они могут помочь. Например, одна из правозащитных организаций приняла решение

защищать людей, которые попали под политическое преследование случайно, то есть не являются гражданскими активистами и не имели намерений совершать политическое действие. Другая организация пересмотрела свой подход к работе с кейсами, содержащими насильственный компонент. Вот как описывает процесс принятия этого решения правозащитник из этой организации Юрий:

Ну, вот скажем, были, начались вот эти поджоги военкоматов, мы обсуждали, нужно ли вообще освещать истории, когда их преследуют. И пришли к выводу, что поджоги тоже являются некоторым таким... видом... протестных выступлений. Понятно, что это уже совсем другое дело, чем... выход на мирную акцию. Мы все-таки исходим из того, что мы... кхм, освещаем те случаи, когда никто не пострадал, и особенно когда к человеку применяются какие-то более суровые статьи, чем следовало бы. Потому что, ну, там скажем, часто сейчас вот такие вот поджоги, когда и особенного ущерба не нанесено и явно не было какой-то... Или это не являлось какой-то акцией устрашения, судя по всему. Тем не менее ее квалифицируют как теракт и это довольно распространено, в особенности когда... В особенности, когда человек был движим антивоенным каким-то... выступал против войны. Хотя на самом деле, и не только. То есть, сейчас мы стали освещать такие случаи, когда государство само, так сказать, из человека делает оппонента.

Юрий, эксперт, ЕС

Важно отметить, что критерии, на основании которых сотрудники правозащитных организаций принимают решения, как правило, не являются формально и детально документированными, а, скорее, существуют в виде

неявного знания (tacit knowledge). Решения по спорным случаям принимаются коллегиально и способствуют внутренней рефлексии и изменениям.

Наконец, решение о взятии какого-либо кейса в работу не обязательно напрямую связано с признанием этого кейса политическим преследованием или репрессией. Важнее, чтобы кейс не только подходил под сферу экспертизы правозащитной организации, но и совпадал с ее целями в публичной коммуникации и был реализуем. Так, например, одна из организаций, которая занимается вывозом политических активистов из России не берет в работу экстренные случаи эвакуации из удаленных от центральной России регионов, так как не способна эффективно работать в обстоятельствах сильной удаленности от точек выезда из РФ. Другая организация не может брать все случаи, которые входят в ее компетенцию, из-за нехватки внутренних ресурсов, поэтому вынуждена отбирать кейсы с учетом их медийного потенциала.

Цели и задачи акторов в поле, их аудитории

Цели и задачи правозащитных организаций не обязательно включают только адресную помощь своим подзащитным, иногда это и вовсе не заявлено в миссии организации. Это особенно применимо к публичной и медиа сфере: осветить и повысить осведомленность о проблеме, поменять отношение к преследуемой группе, привлечь внимание к необходимости помощи или коллективного действия, адвокатировать за изменение законодательства и практик правоприменения. Это означает, что особенности функционирования медиа и публичной сферы влияют на работу правозащитного сообщества, на то, кто и в какой мере получает помощь и поддержку:

Те же самые антивоенные комментарии в социальной сети Вконтакте, как это обычно бывает, то мы не берем такие дела, потому что таких дел сейчас... Их сотни, их тысячи».

Пони и Пика, эксперты, ЕС.

Довольно часто бывает, что мы просто находим, ну, там какие-то такие кейсы людей, про которые иначе вообще никто никогда бы не узнал. Вот. Да и мы делаем их, делаем их и видимыми.

Жанна, эксперт, Россия

Другая особенность работы медиа и публичной сферы: аудиторией правозащитников являются не только те, кому они уже оказывают или могут оказывать помощь, но и широкая общественность, а также потенциальные доноры. Для всех этих аудиторий правозащитные организации используют разные каналы коммуникации и месседжи:

Недавно вот мы начали переводить наши какие-то инструкции на разные языки России. Для меня, например, был не самый очевидный ход, но это растопило лед.

Василий, эксперт, Россия

Наша задача — разговаривать с теми людьми, которые не читают те СМИ, которые мы читаем.

Максим, хорошо информированный, Великобритания

Сложности, что мешает сопротивляться репрессиям (помогать преследуемым и привлекать к ним внимание)

Больше репрессивных дел и меньше информации по ним

Эксперты в целом сходятся на том, что число случаев политических преследований растет, хотя репрессии и не являются массовыми. С начала полномасштабной войны нагрузка на правозащитные проекты возрастает, как и сложность и непредсказуемость преследований и внесудебного давления. Так, растет число дел, судопроизводство по которым закрыто, т. е. основания обвинения и приговоры становятся труднодоступны. Поэтому затрудняется не только помощь обвиняемым по таким делам, но и принятие решений о том, какие кейсы расценивать как релевантные миссии организации и как ориентироваться в новом репрессивном поле:

Мы плохо знаем как это всё работает, не знакомы, как правило, с материалами дел этих. То есть мы можем исходить из каких-то в общем, соображений, там, либо общих, либо ну каких-то деталей обрывочных, которые к нам приходят.

Василий, эксперт, Россия

Спустя полтора года применения двести седьмой... Двести восьмидесятой, которая составляла такую большую часть наших... В нашей статистике стало меньше, и все пришло на, условно, экстремистские статьи, на антитеррористические статьи <...>, которые не напрямую политические, которые сложнее назвать политическими. <...> Человек получает поддержки намного меньше, потому что не всегда очевиден политический контекст: нужно копаться в огромных томах уголовного дела, чтобы понять, вообще, за что оно было заведено на самом деле.

Пони и Пика, эксперты, ЕС

Это приводит к пересмотру восприятия рисков и факторов риска: предсказать вероятность того, что человек окажется в группе риска, становится сложнее, а количество таких людей растет.

...Можно попасться просто под эту мясорубку достаточно случайно. Необязательно быть супер-пупер активистом и, не знаю, организовывать протесты, и это очень важно подчеркивать, потому что это как раз-таки признак вот такой специфичности этих репрессий <...>, которые для нас неуправляемые, то есть это сообщество настолько огромное.

Пони и Пика, эксперты, ЕС

Если ты занимаешься политической журналистикой и если ты остаешься в России, то, ну, в смысле, ты вау и велик, но как бы мы понимаем, какие риски. Когда ты пишешь о культуре и о какой-то там более социальной проблематике, то, конечно, твои риски не так невелики, но они есть. Просто рандом, потому что на тебя напишут донос, и в смысле тебе попадет.

Максим, хорошо информированный, Великобритания

Репрессии против тех, кто борется с репрессиями

Одновременно с численным ростом случаев политического преследования, растут риски тех, кто сопротивляется политическим репрессиям и помогает пострадавшим:

Ну, в число людей, которые сталкиваются с этим правоприменением есть уже... Их количество растет, да, и растет количество людей уже просто лично нам знакомых. Вот, за которых мы можем как-то лично переживать. Вот, и, кроме того, мы как бы живем с тем, что в любой момент это самовольство будет применено к нам.

Жанна, эксперт, Россия

Вы знакомы, я думаю, с сюжетами про транснациональные репрессии: от попыток отравления российских журналистов-активистов за рубежом до какой-нибудь безумной истории с группой Б-2, попавшей за решетку в Таиланде и чуть было не выданной Российской Федерации, хотя, в общем-то, у музыкантов там, по-моему, у них только у двух было российское гражданство, а у других вообще не было. То есть безопасность — дело такое... В полной безопасности, занимаясь подобной работой, человек себя чувствовать не может.

Александра, эксперт, Грузия

Динамика репрессивного процесса в России такова, что становится все сложнее найти адвокатов, которые готовы защищать людей внутри страны.

А в целом еще, наверное, боятся с какими-то зарубежными проектами работать, сотрудничать, не имеющих связи, потому что боятся признания иноагентом. Признание на чем-то могут. Даже там же есть формулировки «подпадает под иностранное влияние». Это абсолютно все что угодно. Это не юридическая терминология, это политическая такая риторика. Адвокат, получающий статус иноагента, это какой-то такой... Такое клеймо на человеке, который вряд ли уже после этого сможет работать на территории России. А адвокат, который уезжает за границу, это зачастую очень трудно, в принципе, работать. А вот во-вторых, сейчас тоже ввели норму, что могут лишать статуса, если адвокат проживает больше года за границей. То есть вот все эти факторы, все эти факторы, они влияют на то, что адвокаты боятся работать по другим делам.

Роман, эксперт, ЕС

В результате мы можем зафиксировать наложение разных репрессивных инструментов одновременно, что лишь усиливает эффект каждого из них в отдельности. Например, в случае с преследованиями по делам о государственной измене и шпионаже, пересекаются быстрый рост преследований, закрытость производства по ним и риски работы с такими кейсами для адвокатов:

Это такой сегмент, которая раньше была в количестве таком... Десяток, ну, максимум два десятка дел в год. Это были штучные дела. А сейчас же это поставлено на поток. Это прямо уже чуть ли... не чуть ли, а точно, это сотни дел. И, конечно, таких, такого масштаба вообще никогда не мог ожидать. И это проблема сейчас для проекта, потому что надо выискивать ресурсы и все больше адвокатов, которые готовы в таких делах работать. При этом, работа в таких делах, она сопряжена, с каждым днем сопряжена, со все большим риском.

Роман, эксперт, ЕС

Недоверие к правозащитникам

Помимо явных политических репрессий и прямых рисков преследования, в российском репрессивном пространстве появляются инструменты непрямого давления, включая разрыв контакта внутри правозащитного сообщества и рост взаимного недоверия. Риск попасть под политическое преследование вынудил многие правозащитные организации покинуть Россию и продолжать работу из-за границы. В результате правозащитникам и их аудиториям в России все сложнее поддерживать контакт из-за разрывов в восприятии реальности и друг друга:

Между уехавшими и оставшимися просто растёт обрыв, потому что ты через какое-то время, у тебя вот эти механизмы фильтрации там и цензурирования отключаются, потому что ты в безопасности, тебе не нужно себя цензурировать, ты можешь говорить то, что думаешь, и думать, что хочешь. Этим людям нужно постоянно себя цензурировать. И они, например, раздражаются, по моему наблюдению. Когда ты говоришь как хочешь и думаешь, как хочешь, а они этого делать не могут. И когда ты, например, с ними общаешься, они чувствуют, что ты их, как будто бы в преступление втягиваешь, вот это вот, знаешь, такое типа «не надо меня втягивать в преступление, я с тобой про это разговаривать не буду, мне вообще-то небезопасно».

Георгий, эксперт, Германия

Такой репрессивный инструментарий воздействует скрытно и повседневно, приводя к скрытому и устойчивому разобщению между активистами внутри страны и теми, кто уехал, приводит к росту страха, атомизации.

Физическая разобщенность препятствует построению и укреплению сетей солидарности и взаимопомощи, которые могли бы быть использованы для противостояния репрессивным аппаратам. Страх, самоцензура, недоверие по умолчанию — все эти факторы незримо способствуют поддержанию атмосферы политической подавленности:

Когда люди запуганы репрессиями, не выходят на улицу, не высказывают свою точку зрения, не пишут в социальные сети — это, безусловно, последствия политических репрессий, потому что они все запуганы, они понимают, что они могут быть следующими жертвами репрессий.

Дмитрий, эксперт, ЕС

Аудитория: эскапизм и усталость от плохих новостей

Следствием тактики скрытых репрессий и запугивания становится эскапизм — стратегия ухода от давящего негативного новостного фона. Это связано с постоянным поступлением все новой и новой информации об очередных преследованиях и возрастающих рисках и вместе с тем кажущейся невозможностью сопротивления.

Я просто с ужасом это все читаю и думаю о себе, о своей безопасности. А как сделать так, чтобы не... Не попасться так же. <...> Ну, я чувствую, честно говоря, усталость от этого, потому что чувствуется нескончаемость вот этих репрессий и новостей и появления этих новостей, и чувство безысходности, потому что ты не знаешь, как на это повлиять, ты не можешь ничего с этим сделать.

Анна, хорошо информированная, Россия

У меня смесь из гнева и горечи, потому что ну сейчас опять же. Последний вот этот кейс, который ты скинула, в уме сразу сшивается с большим количеством этих историй, потому что, к сожалению, он мог бы быть датирован и текущим годом, и тремя годами ранее, и семью годами ранее, и десятью годами ранее. И это очень... Вызывает некоторое отчаяние. В том смысле что, это просто работает и работает, и продолжает работать и дальше работает. Людей пытаются, и продолжают пытаться, и продолжают пытаться, и дальше продолжают пытаться.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

Нередко те, кто чувствует бессилие из-за политического климата, говорит об уходе от новостей как о способе самосохранения. Как правило, они стараются при этом фокусироваться на своей работе и семье, не погружаться в более широкий политический контекст и, соответственно, не выносить суждений.

Если ты комарик, то старайся сильно не пицать. У тебя есть своя жизнь.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Я живу свою маленькую жизнь, я стараюсь каждый день прожить так, чтобы была польза обязательно, или для моих близких.

Марина, хорошо информированная, Россия

При этом само правозащитное сообщество чувствует сложности в коммуникации и доступе к аудитории. С одной стороны, из-за профессиональной усталости

от низкой политической культуры, а с другой — из-за того, что получившие помощь могут ненамеренно вредить другим оставшимся по причине недостатка навыков работы с чувствительной информацией:

Мне кажется, что мы находимся в каком-то своем пузыре информационном, и у людей в России нет даже представления, понимания, что те репрессии, они вот как бы среди них. Большинство людей этого реально не замечают и не видят, либо не хочет замечать.

Юрий, эксперт, Германия

Поэтому я не знаю, как насчет достучаться до аудитории, но, насчет того, что очень часто используется неправильный язык, его очень часто используют... Ну, просто сейчас нет чувствительности, да, особенно у тех, кто эмигрировали. Они особо не чувствуют такта. И не чувствуют, что есть очень много какой-то информации, которую, к сожалению, не вправе разглашать.

Пони и Пика, эксперты, ЕС.

Дилемма публичности

В новых политических обстоятельствах правозащитникам пришлось пересмотреть отношение к публичному освещению преследования. Если до начала войны и новой волны политических преследований публичная кампания в поддержку обвиняемого работала исключительно в пользу защиты, то на текущий момент широкое освещение кейса в медиа может навредить.

»...Мы такое, по сути дело, огромное пиар-агентство российских силовиков». **Кирилл, эксперт, ЕС**

«Сейчас достаточно о человеке с улицы написать и рассказать, и в целом остальные боятся, пугаются и распространяют это все на себя. То есть сейчас, я думаю, поэтому репрессии такие цифровые и одиночные, потому что информация о них очень широко расходуется, в том числе и благодаря нам. Но это не значит, что о них не надо писать».

Дмитрий, эксперт, ЕС

Некоторые репрессивные инструменты могут затруднять публичное освещение дела и поиск поддержки для преследуемых:

Привлечение внимания к конкретным политическим делам оказалось абсолютно неработающей, скорее всего, вещь, потому что когда ты заводишь дело по статье 280.3, то сразу всем очевидно, что оно политическое: и документы человек получит, и поддержку получит, и адвоката ему оплатят, и все будет... Очень неплохой срок — это хорошо, но то что он получит какую-то значительную поддержку, находясь в такой ситуации».

Пони и Пика, эксперты, ЕС.

Из-за возросших рисков безопасности, некоторые детали и сюжеты нельзя разглашать и выводить в публичное пространство, в первую очередь — для того, чтобы механизмы помощи остались доступными для тех, кто в них нуждается:

С журналистами большая проблема. И это такая часть нашей работы, когда мы очень постепенно — не только мы, те, кто в консультации работают, — очень долго объясняли, почему, например, нельзя писать о человеке, что он собирается куда-то уезжать и что он куда-то уезжает в то время, когда он куда-то уезжает. И почему нельзя разглашать его местоположение и маршрут, которым он следовал.

Пони и Пика, эксперты, ЕС

Эффективные способы работы с темой, с аудиториями

Так как взаимодействие со своими аудиториями и поиск новых является залогом успешной работы правозащитных организаций, коммуникация с аудиторией постоянно меняется и адаптируется под текущую реальность. Одним из удачных способов коммуникации с аудиторией, традиционно находящейся за пределами доступа правозащитников и независимых медиа, является апроприация языка и нарративов, которые используют государственные медиа:

А люди, обычные люди, большинство людей, которые живут своей обычной, обыденной жизнью, о политике знают, постольку-поскольку, вот среди них я вижу большое количество этих откликов на именно такую манеру информации. Она немножко такая манера... Она стилистически, наверное, немножко коррелирует с тем, как себя ведет власть. Какие-то апелляции к памяти предков, вот эти все вещи. Мне кажется, мы через это должны с людьми говорить, потому что им очень тяжело поменять этот свой привычный язык на что-то радикально новое.

Юрий, эксперт, ЕС

Мы используем более нейтральный язык, чтобы не испугать потенциальных читателей. То есть мы не используем, например, феминитивы, такие слова, как «война», «феминизм». Все вот эти триггерные точки.

Анна, хорошо информированная, Россия

При создании какого-то контента нужно всегда себя самого цензурировать на предмет наличия каких-нибудь триггерных вещей, которые могут спровоцировать репрессии в твоём отношении. Например, война или СВО.

Георгий, эксперт, ЕС.

Есть люди, которые стараются держаться от этого в стороне, в частности, здесь работает и самоцензура, и инстинкт самосохранения, как ни назовите, и полностью погружены в свою частную жизнь. И, наверное, для таких организаций, как наша, возможно, ваша, одна из основных задач — это попробовать как-то расшевелить то, что по-английски называется *movable middle*.

Александра, эксперт, Грузия

Другим способом является выстраивание коммуникации и доверительных отношений с малыми сообществами и новыми людьми, иницируемые через оказание помощи — и таким образом расширение аудитории проекта:

Появилась куча маленьких площадок, которые находятся вне радаров.

Максим, хорошо информированный, Великобритания

То есть они не знали о такой возможности [политического преследования]. И они, они шокированы они напуганы, не понимают, что происходит. Им кажется, что они просто одни во всем мире, потому что для них и других... другой информации про такое никогда раньше не было. И им кажется, что они первый и единственный случай. И мы говорим, что нет такое, вот, да, сейчас есть. Таких людей очень много попадает вообще практически за все. Давайте мы вам поможем. То есть мы еще успокаиваем людей.

Вера, хорошо информированная, Сербия

Эффективным способом соприкоснуться с новой аудиторией называют поиск и подсвечивание общего и того, как репрессии касаются именно их, влияют на их жизнь:

Я думаю, что потому что их это коснулось. Либо опять-таки они боятся того, что их это коснется. Либо они видят кого-то, кого это коснулось, при этом этот кто-то похож на них, и делает примерно то же самое, что они делают, либо это кого-то коснулось, и они не понимают, почему это кого-то коснулось, а не коснется ли это их. То есть вот непредсказуемость. Из-за чувства тревоги, для того, чтобы самому как-то прикинуть вероятность того, насколько это тебя может коснуться.

Георгий, эксперт, ЕС.

Вероятно, этот подход работает за счёт того, что отвечает на запрос хуже информированных граждан, которые отказываются от потребления новостей, аргументируя это тем, что политические преследования не касаются лично их и не влияют на их повседневную жизнь. В отличие от новостей их города и сообщества. Реализуется запрос на релевантность информации их повседневной жизни, демонстрацию того, как происходящее влияет именно на них.

Запросы аудиторий

Выше мы обсуждали перспективу тех, кто формирует дискурс о репрессиях. Между тем, читатели неоднократно выражали запрос на снижение эмоционального накала в подаче новостей:

Мне бы ее хотелось получать как факты. Как какие-то юридические документы. Мне не хочется эмоции и грязь на эту тему получать без каких-то, вот, фактов. Очень много грязи, очень много эмоций. То есть та подача информации, которая сейчас есть, она рассчитана на то, что эмоционально люди вострепнут и отреагируют. И это, с моей точки зрения, неправильный подход. Сначала должны быть факты доказанные, а потом эмоции и грязь.

Марина, хорошо информированная, Россия

Среди хорошо информированной аудитории существует запрос на инструкции и способы поддержки других, защиты себя. Они помогают вернуть себе способность к действию и повлиять на ситуацию, поверить, что возможны случаи изменения институтов правоохранительной системы, через которые осуществляется политическое давление и преследование. Обретение такой способности к действию также может оправдать переживание за тех, кто подвергается репрессиям.

«Очень много попадает такого [новостей о репрессиях], потому что это происходит довольно часто, и это, естественно, освещается. Я просто с ужасом это все читаю и думаю о себе, о своей безопасности. А как сделать так, чтобы не... не попасться также. Вот, то есть такое более эгоистичное... Это первое, что приходит на ум, когда ты видишь такое. Да, потому что ты чувствуешь себя очень незащищенным».

Анна, хорошо информированная, Россия

Когда людям было тяжело фиксировать, наблюдать, но ничего не делать. И в дальнейшем было придумано отрастить юридическую помощь.

Кирилл, эксперт, ЕС

Эмоциональное нагнетание при освещении репрессий и политических преследований, в сочетании с отсутствием призывов к действию по исправлению ситуации и защите себя, приводит к тому, что самой привлекательной для аудитории становится стратегия эскапизма. Люди перестают читать новости или переходят к локальной повестке — там сохраняется ощущение, что их действия могут повлиять на положение дел и релевантности происходящего для них лично — прослеживается прямое влияние происходящего на их жизнь.

Например, все те гражданские темы, которые были острые и действительно актуальные для жизни, вопросы обычной жизни, не сломанной, не изломанной сюрреалистической, а обыкновенной жизни обыкновенного горожанина, жителя большого города. Вот тема, там, не знаю, какого-то благоустройства, там, я не знаю, злоупотребления в этом благоустройстве, не знаю, там, экологии. Вот жуков у нас нет, траву всю скосили, она сейчас высохнет, они подохнут. Перерасход энергии у нас, несмотря на то, что вроде как много денег тратим на другие, да, на войну и так далее. Вот просто какие-то темы жизненные — их вообще нет в поле информационном, вообще их нет ни по телеку, нигде.

Дарина, хорошо информированная, Москва

Термины для обозначения политического преследования

Наши собеседники использовали разные термины для обозначения политических преследований. Эксперты преимущественно употребляют в своей работе термины «политические репрессии», «политическое преследование», «преследование по политическим мотивам», «преследование по идеологическим мотивам», «цензура» и «злоупотребление правом». Многие эксперты ссылались на определение «Мемориала». Общей была мысль о государственном преследовании по политическим мотивам, за гражданскую позицию, за публичное выражение инакомыслия. Политическую деятельность также могут называть активистской, общественной или гражданской деятельностью.

Впрочем, даже эксперты расходятся во мнениях о том, называть ли репрессией преследование за политическую деятельность, за политические взгляды или незаконные карательные действия со стороны государства:

Репрессии — это именно воздействие со стороны государства за... Если мы говорим про политику, то за нормальную политическую деятельность. И, соответственно, это можно считать репрессией. А какое-то неформальное давление, увольнение с работы, естественно, репрессией не является, но является политическим преследованием. Если мотивирована именно политика.

Юрий, эксперт, ЕС

Звучало предложение толковать репрессии в широком и узком смыслах. В широком — как «применение наказаний, не основанных на духе закона и, может быть, не основанных на букве закона, или в злонамеренном толковании буквы закона. В узком — как реальные попытки бороться за власть.

Алевтина, хорошо информированная, США

Исключение в использовании термина «репрессии» составили представители исследовательского центра «Совы», авторы термина «неправомерный антиэкстремизм», а для акцентирования внимания на особенностях репрессивного российского законодательства — «нарушение принципов международного права». Эти термины сложнее для восприятия, чем обыденные «произвол» или «безобразия» — однако, скорее в силу непривычности, т. к. даже плохо информированные люди с юридическим образованием отмечают ясность и точность таких слов, поскольку они подсвечивают, что закон используется не по адресу и не по назначению. Термин «Совы» работает, если собеседник разделяет представление о неправомерности антиэкстремистского законодательства.

Некоторые эксперты сочли термин «репрессии» слишком художественным и абстрактным. Вместо этого они предлагают акцентировать внимание на том, что именно является репрессивным элементом:

Когда мы говорим о делах конкретных, это «политически мотивированные дела», это «политическое преследование», это... «политическая составляющая», «подоплека».

Роман, эксперт, ЕС

Другая категоризация политических репрессий строится вокруг характера преследования. В соответствии с ней политические репрессии можно разделить на официальные (применяют запретительную норму — например, дискредитация армии), квазиофициальные (не применяют запретительную норму, а собирают какую-то подборку, которая приведет для тебя к негативным последствиям, например, стоял в пикете, а предъявили за то, что матерился в публичном месте и оказывал сопротивление полиции), и неофициальные (например, к тебе придет группа в масках, сожжет машину, избьет у подъезда, а искать их никто не будет). Это наиболее широкое толкование слова «репрессии»; оно исходит от эксперта.

Также существует представление, что репрессии нужно воспринимать как процесс: меняется законодательство, меняются практики правоприменения, и одно и то же определение не может отвечать профессиональным запросам в разных социальных обстоятельствах. Кроме того, надо учитывать, что правозащитники и журналисты участвуют в формировании дискурса о репрессиях, и они могут менять значение терминов намеренно.

Слово «репрессии» неизбежно тянет за собой ассоциации со Сталиным и СССР, во всех нарративах. В основном близость современных и сталинских репрессий аргументируют жестокостью наказания, в то время как, по мнению экспертов, масштабность несравнимо меньше.

Не-эксперты, когда сами пытались дать определение репрессиям, подчеркивали безвыходность:

[Екатерине Гордеевой не дают финансироваться через рекламу, это названо политическими репрессиями. Почему это репрессии?] Ну, тут именно потому, что по этому признаку, что ты получаешь иностранное финансирование, ты говоришь что-то не то — мы тебе перережем канал для существования финансовой.

Марина, хорошо информированная, Россия

Закон должен быть понятен и прост для соблюдения. А когда «закон что дышло, в которую сторону повернешь, то и вышло»... Это уже такая вещь, когда ты не знаешь, что ты сделаешь. Либо ты знаешь, что что бы ты не сделал, тебя могут осудить.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

В целом, не-эксперты нечасто вводят слово «репрессии» по собственной воле, без подачи интервьюера:

В моей голове слово «репрессии» очень страшное. Ну, но есть, то есть страшнее. То есть можно назвать это неправомерным, неправомочным, там, противоречащим Конституции и чему угодно, но, наверное для слова «репрессии» у меня в голове еще более адский котел.

Валерия, хорошо информированная, Россия

Порой они вовсе отказывались называть преследования и общую атмосферу политической напряженности

и небезопасности, а описывали ее через абстракции и метафоры:

Мне вообще-то кажется, что это какой-то дурман, что это какое-то, ну, изменение молекул произошло.

Необъяснимые какие-то вещи, необъяснимые.

Дарина, хорошо информированная, Россия

Для них нехарактерно предавать критике законодательную систему: право либо есть, либо нет, закон либо соблюдается, либо нет.

По мнению экспертов, их заявители могут путать «сфабрикованное» дело и «политически-мотивированное» дело, в связи с чем тоже возникают разночтения, считать ли все сфабрикованные дела репрессиями или только политически-мотивированные. Впрочем, еще чаще люди, не погруженные в тему правозащиты, вовсе не владеют этой терминологией и описывают свои действия и последствия, не фреймируя их ни в одном из представленных ключей.

Если говорить про подопечных, никто никогда не пишет. очень редко, что я стал фигурантом политически мотивированного уголовного дела по политической статье. Все пишут: «Блядь, пиздец! Здесь моя статья, вот документы, я написал пост ВКонтакте». Но то есть, в том моменте, в котором мы помогаем, в принципе, не владеют этой терминологией.

Пони, Пика, эксперты, ЕС.

Также происходило смешение терминов при обсуждении кейса свидетелей Иеговы. Если эксперты говорили про этот кейс как типичный и понятный, то даже для хорошо

информированных граждан, которые признают, что преследование этой религиозной группы неправомерно, он чаще не котируется как политические репрессии: объяснять это могли тем, что «религия и политика — разные вещи», или тем, что это религиозная дискриминация, но не политическое преследование.

А что касается политических... Вот трудно сказать. Надо спрашивать самих Свидетелей Иеговы, воспринимают ли они свою идентичность как политическую. Я совсем не уверен в этом. Поэтому это скорее конфессиональная и близкая к этническим.

Егор, хорошо информированный, Армения

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ РЕПРЕССИЙ

В этом разделе мы рассмотрим, на что респонденты обращают внимание, когда определяют или не определяют судебный кейс как политическое преследование или репрессию. Логика определения политических преследований/репрессий укоренена в степени погруженности в тему. Так, эксперты и хорошо информированные граждане демонстрируют более нюансированную и комплексную систему объяснений, почему тот или иной случай является репрессией, способны провести разграничение между типами преследований, объяснить цели преследований. При этом есть множество аспектов преследований, взгляды на которые у всех групп респондентов могут пересекаться и совпадать, то есть нельзя говорить о радикальной обособленности представлений хуже и лучше информированных граждан.

(Не)соответствие наказания поступку

Одним из главных компонентов, играющих важную роль в логике определения репрессивности случая, является соотношение между наказанием (приговором) и самим проступком. Чтобы ситуация считывалась как репрессивная, должно проследиваться несоответствие приговора (или следующих за политическим действием последствий в случае внесудебного преследования) и совершенного действия.

Например, административный приговор в виде штрафа может быть воспринят как репрессивный, когда назначается за высказывания в социальных сетях (по статье о дискредитации российской армии), так как в представлении большинства наших собеседников такие поступки не должны наказываться вовсе.

В противоположном случае, в котором человек был осужден за поджог здания военкомата, сам поступок большинством наших информантов был воспринят как заслуживающий наказания, а вынесенный приговор вкуче реже всего считывался как случай политического преследования/репрессии:

Несоразмерность [объединяет все случаи преследования], да, как бы непропорциональность вообще наказания, ну, за исключением, конечно, поджога, потому что это все-таки попытка, это статья в чистом виде».

Дарина, хорошо информированная, Россия

Помимо относительности оценок, важно отметить их динамику. По мере усиления репрессивного поля в России, критерии суровости приговоров меняются соответственно — происходит десенсбилизация к насилию. Так, штраф или условное наказание по статье о дискредитации хоть и считывается как несправедливое, но все же оценивается в положительном ключе («хорошо, что не реальный срок»):

Для человека, который просто идет по улице и решил что-то написать, это очень много. Но в реалиях сегодняшних 30 тысяч — это очень мало. На тему справедливости, ну, мир несправедлив. А в ситуации, когда у нас практически военная цензура, можно сказать, где теперь прямым текстом говорится, что не говори ничего о власти и ее решении.

Светлана, хуже информированная, Новосибирская область

Обыденность поступка

Сам поступок, в совершении которого обвиняют преследуемого по политическим мотивам, имеет значение при принятии решений о том, является ли наказание репрессивным. Чем менее вредоносным для других людей является поступок, и чем более очевидна его политическая подоплека, тем больше шансов, что он будет воспринят как преследование.

Есть разделение на, ну, скажем так, то, что мы называем чисто политическими статьями и некими завуалированная политическими статьями или общими политическими статьями, которые используются по политическим мотивам. Например, после начала полномасштабного вторжения появились такие, очевидно, политические статьи, в которых даже невозможно придумать никакое другое применение, кроме как борьбы с инакомыслием. Это как дискредитация армии.

Варя, эксперт, ЕС

Например, преследование Свидетелей Иеговы может восприниматься хорошо информированными как

политическое, так как отсутствует действие, за которое можно наказать, а наказание происходит за принадлежность к группе:

Но просто мне кажется, что Свидетелей Иеговы преследуют просто так. Это просто репрессии против свидетелей Иеговы. Все дела надуманные, никакого состава дела нет и быть не может. И никто из них военкоматы не поджигал, поджог военкомата это все-таки состав дела, этот состав там есть, если это действительно тот человек. В данном случае это просто репрессии против религиозных меньшинств и так далее.
Максим, хорошо информированный, Великобритания.

Это репрессия, потому что применены пытки. То есть как раз вред здоровью. И это репрессия, потому что чрезмерно сильное, серьезное наказание без каких-то доказательств вины. Просто потому, что вы принадлежите к организации, которая нам не нравится.

Валерия, хорошо информированная, Россия

Нередко при обсуждении ситуаций обращают внимание на то, что наказание дается за обычную жизнь — слова, взгляды, идентичность. Репрессия — то, что ее неестественным образом пресекает.

Р.: Да, это становится его кредо, убеждением. Да.

И.: То тогда это можно считать репрессиями, потому что это за его убеждения, за кредо, да?

Р.: Да.

Ольга, хуже информированная, Москва

Неестественность и надуманность обвинений, которые используются для преследований политических оппонентов, описывают многие респонденты.

Посягательство репрессий на нормальную жизнь — та область, суждения о которой находятся как у специалистов, так и у хуже информированных людей:

Я не уверен, что спустя много лет мы скажем, что современность, скажем так, была людоедским временем. Поэтому я все-таки оптимист, предпочитаю смотреть вперед. Я думаю, что все будет хорошо, искренне надеюсь. И я бы был рад, если бы современность называли людоедским временем, это значит, что дальше что-то будет.

Константин, хуже информированный, Нижегородская область

Республика, конечно, плющит республиканских активистов националистических движений так же, как всюду плющат все живое. Их плющит там местная же власть. <...> Есть некоторое болотце, из которого вылезает какая-то голова, и ты по ней бьешь, чтобы ничто не вылезало.

Жанна, эксперт, Россия

Наказание за «просто жизнь» делает ситуацию абсурдной и недопустимой в глазах наблюдателя. Репрессия в этом случае выступает преступлением, насилием, — ударом, направленным на пресечение нормальной жизни. Сюда же можно отнести присвоение статуса иностранного агента, который большинством считается как политическое преследование, именно за счет существенного препятствия работе организации или человека, при

условии отсутствия какого-либо неправомерного действия, а просто по факту выполнения своей работы.

— А почему это репрессии?

— Ну, тут именно потому, что по этому признаку, что ты получаешь иностранное финансирование, ты говоришь что-то не то, мы тебе перережем канал для существования финансовой.

Марина, хорошо информированная, Москва

(Не)достаточно обоснованное обвинение

Способность следствия обосновать вину и выстроить доказательство того, в чем обвиняют преследуемого таким образом, чтобы убедить окружающих, что преступление имело место — ключевой элемент для понимания, является ли кейс политическим преследованием.

Производство уголовного дела включает в себя поиск действия, поступка или поведения и доказательство связи между ними и статьей уголовного кодекса, а также доказательство того, что поступок, действие или поведение действительно произошли.

В случае политического преследования с производством убедительного кейса часто возникают сложности, так как доказательства также фальсифицируются. В случаях, когда обвиняемые заявляют о пытках, добытые таким образом признательные показания, как правило, заставляют сомневаться в обоснованности обвинения. Однако чем сложнее и запутаннее доказательство преступления и чем менее очевидна политическая составляющая дела, тем ниже шансы, что кто-либо, кроме профессионалов и группы поддержки обвиняемого будет готов разбираться в сути дела. Остальные же будут склонны верить судебному процессу и правоохранителям. Так, дела связанные с обвинениями в терроризме, экстремизме

и преступлениях без эксплицитной политической составляющей (например, преступления, связанные с наркотиками) с меньшей вероятностью будут восприняты как политические преследования.

Преследуемый человек, его мотивация и позиция

Преследование за позицию и кредо человека, т. е. преследование прогнозируемое, — классический пример политического преследования. Если относительно мер по запугиванию через наказания почти случайных людей многие респонденты скорее сомневаются, можно ли это считать репрессией, то при наказании публично протестующего человека сомнений практически не возникает. Олег Орлов пишет из СИЗО в Сызрани:

Само нахождение меня тут есть яркое и наглядное свидетельство преследования за убеждение, за мнение в современной России, позволяет привлекать внимание в мире к проблеме политических репрессий...

Олег Орлов, эксперт, СИЗО-2, Сызрань, переписка

Случаи неожиданного политического преследования, когда его сложно было предвидеть в адрес конкретного человека — не активиста, не представителя уязвимой группы — задевают сильнее других:

Люди жили своей какой-то свободной жизнью, никого не трогали. Но вот, случилась война, например, и, ни с этим не согласны. То есть им в целом плевать, кто такой Навальный, чем он занимался и все прочее. Но происходит война. Они не понимают, что происходит. Написали какой-то пост и знать ничего не знали про дискредитацию армии. И тут вот к ним приходят с утра, ломятся в двери, увозят в суд, допрашивают, как настоящих преступников, которые сделали что-то серьезное.

Вера, хорошо информированная, Сербия

Одновременно с этим, полное понимание рисков, осознанные смелость и дерзость не обязательно оправдывают поступок. С одной стороны, они могут считываться как вера в собственные идеалы, а с другой — как незрелость и глупость. Даже если наказание могут считать жестоким и репрессивным, желание противостоять государству в нынешних обстоятельствах далеко не всегда считывается как намерение, достойное уважения:

Будем честны, вся молодежь в 17 году была подписана на подобные паблики. <...> Дознаватель позволял себе подобные посты в поддержку или, там, условно, критику какую-то после начала СВО, ну, тут, извините, я за свободу слова, я вполне себе, прости господи, либерал, но нужно же понимать, что происходит в стране, как сейчас на это смотрит общество, власть, правоохранительные органы и тому подобное. То есть если мы принимаем правила этой игры, если мы здесь, если мы не эмигрировали, мы продолжаем работать и приносить налоги этой стране, соответственно, подразумевая, что это наша родина, какой бы она ни была, то, наверное, заниматься подобными вещами, по меньшей мере, странно, потому что это небезопасно. Если ты решил себя принести в жертву, это выбор каждого, тоже ничего в этом зазорного не вижу. Опять же, в 70-е годы появилось правозащитное движение в СССР. Для меня это абсолютно невообразимо, что двигало этими людьми, что и как они переносили то, что, соответственно, карательную психиатрию определяют и заточают в психбольницы. Но если это великая цель и она в какой-то момент принесла свои плоды, то, наверное, это необходимо. Но я сомневаюсь, что дознаватель ставила своей целью подобное, дознавательница. Скорее всего, это либо недальновидность, либо неумение совладать со своими эмоциями. То есть отношение, конечно, если говорить про сам факт, это ужасно. Но сейчас существуют такие правила игры. Их надо либо принимать, либо мириться с последствиями.

Константин, хуже информированный, Нижний Новгород.

Роль государства

Наконец, когда государство становится инициатором судебного преследования и обвиняет кого-то явно или скрыто в предательстве своих интересов, это неизбежно воспринимается как политическое преследование. Независимо от того, как к этому относятся, — отрицательно или признают право государства на самозащиту, такие случаи видятся как политически мотивированные. Также, даже если правозащитники и активисты считают, что сторонники ультраправых, фашистских группировок должны понести ответственность за преступления на почве ненависти, они признают факт политического преследования, если понятно, что группировки преследуются не столько за деятельность или идеологию, сколько в связи с тем, что государство видит в них политическую угрозу.

Знаем, чем руководствовалось российское государство как раз в двухтысячные годы, когда давило ультраправых. Ну, не то чтобы оно руководствовалось желанием защитить мигрантов или людей, просто отличающих себя как те, чья внешность отличается от внешности титульной нации в ее понимании, классическом понимании. Нет, совершенно не этим руководствовалось государство абсолютно. Государство испугалось, потому что эти движения, эти банды, они стали дрейфовать в сторону как бы антигосударственную. Вот, и государство испугалось.
Жанна, эксперт, Россия

Таким образом, когда удастся установить взаимосвязь между случаем преследования и тем фактом, что следствие защищает политические интересы государства, или эта взаимосвязь очевидна, случай идентифицируется как репрессивный.

С другой стороны, сфера политического может пониматься узко, что, в свою очередь, не позволяет назвать политическими репрессиями многие виды преследований. Например, для кого-то политическое ограничено электоральными процессами — и субъектом, и объектом политических преследований видятся только те, кто занят политикой в качестве профессии. Однако, как пишет Олег Орлов, важно смотреть не на объекты репрессий (они могут быть любые), а на мотивацию субъекта — и искать политическое именно в ней:

Ужасны не репрессии сами по себе (если, конечно, они не произвольны, а осуществляются по строгому алгоритму и не избыточно жестоки), ужасно, если репрессии осуществляются в политических целях, т. е. для сохранения власти какого-то лица или политической группировки. Это и называется «политическими репрессиями». Термин не очень хороший, но он уже общепринят и тут ничего не поделаешь. Термин вводит многих в заблуждение — многие думают, что политрепрессии, это против тех, кто занимается политикой, а этом их смысл. Но на самом деле тут важно прежде всего цель и задача тех, кто проводит репрессии, именно у них цель репрессий должна быть политической, а не правовой. И если репрессии осуществляются в политических целях, то, как правило, такие репрессии сопровождаются грубыми нарушениями норм права (не путать с законами).

Олег Орлов, эксперт, СИЗО-2, Сызрань, переписка

Узкое понимание политического не включает в себя тему построения устойчивых сообществ, структур гражданского общества. Такое понимание также исключает из случаев политических репрессий многие значимые случаи: например, гонения на Свидетелей

Иеговы, преследование за пост против мобилизации. В то же время, эксперты видят разрушение гражданского общества в качестве наиболее ненавистной черты политических репрессий:

Это фактически об одном. Политрепрессии подавляют гражданское общество. Вначале они изолируют гражданское общество от остального населения — «обычные» люди, готовые помогать или влиться в гражданское общество, пугаются и уходят полностью в частную жизнь. В результате многолетняя работа гражданского общества «обнуляется». Затем, если политрепрессии становятся достаточно масштабными и жестокими, наступает этап уничтожения гражданского общества. Это сделать непросто, но возможно.

Олег Орлов, эксперт, СИЗО-2, Сызрань, переписка.

В случае внесудебных преследований и давления, хуже информированные граждане с меньшей вероятностью сочтут подобный случай политическими репрессиями и свяжут его с государством в целом:

[Отвечая на вопрос, можно ли считать увольнение дознавательницы репрессиями] Там не политические точно. Ну просто странно. Ну, как бы, решение директора. Ну, я думаю, что эти люди были расстроены. Они наверняка это считали несправедливым. Это поломало их планы, конечно. Ну так, а такого, понимаете, миллион всего вокруг.

Алексей, хуже информированный, Москва

Если для некоторых репрессивная роль государства обеспечивает порядок и закон, то для других жестокое

по отношению к собственным гражданам «государство-вирус» требует лечения либо не должно существовать:

Эта система жестока ко всем людям. То есть нет таких людей, которые были бы из нее изъяты. В смысле того, что любой функционер, который сейчас на коне, будет так же перемолот этой структурой, как и любой другой человек, который не имеет никакого влияния. Поэтому то есть это... Это страшно именно тем, что это непонятно, зачем это вообще нужно. В смысле, для чего это существует? То есть какой смысл существования страны, или группы людей, или всего прочего, у которой, как у вируса или еще кого-то, основная функция, или функция, на которую огромное количество идет ресурсов и вообще, в принципе, усилий, существует для того, чтобы подавлять, уничтожать людей, отнимать у них чувство собственного достоинства, вообще какую-то концепцию будущего и так далее.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РЕПРЕССИЙ

Спорные случаи

Все наши собеседники время от времени сталкивались со сложностями, когда им было необходимо определить, является ли та или иная ситуация примером политического преследования. Иногда это было связано с недостатком информации, деталей обвинения, его обоснованности, информации о самом обвиняемом. Однако в некоторых случаях суждение о том, является ли случай репрессивным, было сложно сделать, потому что в хорошо информированных и экспертных группах отсутствует консенсус по поводу того, как относиться

к тому или иному политическому действию или мотивации тех, кто подвергается репрессиям.

В случае правозащитного сообщества и, как правило, хорошо информированных граждан, такой неоднозначностью характеризуются случаи преследования политических противников и тех, кто совершил насильственные действия:

С этим часто бывали споры, потому что понятно, что иногда преследуют активистов, которые являются довольно радикальными правыми, но при этом преследуют их не потому, что хотят бороться с фашизмом, а потому, что видят угрозу.

Варя, эксперт, ЕС

Различить, отличить мотивацию государства по поддержанию безопасности общественного порядка и тех случаев, когда государство руководствуется какими-то политическими соображениями будет очень трудно.

Жанна, эксперт, Россия

Здесь преступление, ну, скорее всего, реально, если мы считаем, что поджог был, то это, как ни крути, преступление, потому что поджигать вещи нельзя ни из каких соображений. И здесь уже возможны некоторые оговорки с точки зрения правосудия. Но при этом на личном уровне я считаю поступок оправданным, поскольку уничтожение картотеки и помехи мобилизации — это важная цель на пути к миру. И, очевидно, продиктовано какими-то приятными мне моральными идеями.

Егор, хорошо информированный, Армения

Раз им дали формально, значит, где-то какие-то строчки по этому поводу написаны, что-то к чему-то притянули, наверное, и как-то это обосновали. Надо посмотреть, что там обосновано. Поэтому вот так меня спрашивать... Надо посмотреть, что написали. Может, эти люди действительно занимались какой-то экстремительной, экстремистской деятельностью, может быть, распространяли какие-то там брошюры, в которых было что-то написано не то. Я не знаю. Но я в принципе плохо отношусь к сектам. У меня есть личный опыт, и я считаю, что... Ну, конечно, не так надо поступать с ними, но это не очень хорошая история. Нет, все равно это... это недопустимо. Литить кипяток, чтобы добыть пароль. Попытки вообще недопустимы.

Марина, хорошо информированная, Россия

Другим спорным случаем можно назвать дела о терроризме и экстремизме, в которых обвиняют людей с опытом миграции. С одной стороны, они зачастую никак не связаны с политической активностью самих людей, а с другой, карательные и незаконные действия

государства могут быть проинтерпретированы как политические репрессии.

**В участиях в подготовке терактов часто, очень часто обвиняют таджиков. В соучастиях в экстремистских сообщества очень часто обвиняют узбеков. А кыргызов с равной частотой обвиняют в участии в подготовках терактов и участии в экстремистских сообществах. Избивают, пытаются, насилуют. Причем не только обвиняемых, но и свидетелей. Сроки дают безумные. Меньше 20 лет я срока просто не встречаю.
Алевтина, хорошо информированная, США.**

Динамика восприятия

Выше мы уже не раз упоминали, что репрессивные инструменты и меры, а также их восприятие экспертами, хорошо и плохо информированными гражданами подвижны и постоянно меняются под воздействием друг на друга (*«государство наступало на один способ выражения мнения, и люди искали какой-то альтернативный»*). Варя, эксперт, ЕС). В этой части мы поговорим об этой динамике подробнее.

Одним из самых заметных изменений, которые повлияли на восприятие политических преследований для почти всех наших информантов, стало полномасштабное вторжение и последующая мобилизация. С точки зрения работы правозащитных организаций, изменяется жесткость (более жесткие наказания, арестные меры пресечения) политических преследований — они остаются точечными, но радиус тех, кто может попасть под них, больше не ограничивается теми, кто сознательно и планомерно занимается политическим сопротивлением:

Война очень многое поменяла, очень многое усилила и появились какие-то новые виды противодействия, новые виды даже не протеста, а каких-то там какого-то действия, которые, с которым власть борется какими-то новыми способами. И вот сейчас стало посложнее.

Василий, эксперт, Россия

Мы видим, что репрессивная машина, в общем и целом, нацелена рандомно на то, чтобы запугать как можно больше людей разных социальных групп, будь то электрик, будь то журналист или вообще кто угодно. Не так важны профессии: у нас были и врачи, и электрики, и сантехники, учителя — кто угодно.

Пони и Пика, эксперты, ЕС

Ощущение, что каждый сейчас находится в зоне риска, разделяют как эксперты, так и хуже информированные респонденты:

Я себя чувствую не в безопасности, потому что я совершенно не понимаю, что произойдет, и не могу, и постоянно, как сказать, ожидаю самого плохого <...> Например, я сейчас говорю да. А вот здесь за кустом кто-нибудь сидит и записывает меня на диктофон. Тогда это может произойти со мной, потом куда-нибудь отнесется. Сфотографировать меня предварительно. Со мной может произойти, мне кажется.

Дарина, хорошо информированная, Россия

Для правозащитников и активистов это означает необходимость расширения аудитории, которой потенциально может понадобиться их помощь, а также

выстраивание связей и взаимодействий, которые облегчают оказание этой помощи через информирование и подготовку к взаимодействию с правоохранительными органами. Из-за меняющейся природы преследований против тех, кто не занимает антивоенную или оппозиционную позицию, правозащитному сообществу необходимо переосмыслить свое отношение к помощи этой группе преследуемых и искать способы контакта с этой аудиторией:

Участились случаи на второй год после начала полномасштабного вторжения с преследованием Z-патриотов, ну, так называемого такого большого сообщества. Это большой этический вопрос. И мы понимаем, что здесь ситуация постоянно меняется, и, возможно, через еще два года это будет основная часть политических преследований, с которой нам тоже придется, возможно, работать.

Пони и Пика, эксперты, ЕС

Подобные истории, как, например, в Башкортостане, вполне возможно, раньше проходили мимо нас, либо у нас вообще к ним не было доступа. А здесь получилась ситуация, что у нас был доступ с одной стороны, а с другой стороны, мы увидели, что вот в таких национальных республиках репрессии имеют весьма специфический характер. С одной стороны, там активно используется маргинализация правозащитников, используются всякие колониальные практики с привозом следователей из центра. И дальше мы столкнулись со сложностями из-за национального языка. Собственно, этот опыт нас научил, что основную информацию о себе и инструкции надо приводить на национальном языке и это может быть полезно для связи с местными сообществами.

Кирилл, эксперт, Германия

С точки зрения не-экспертов, происходит привыкание к негативным новостям и ослабление чувствительности к происходящему, или эскапизм от этих новостей из-за эмоциональной перегрузки:

Это становится какой-то не скажу нормой, но как-то привыкаешь, просто смотришь и принимаешь к сведению. Ну да, вот так вот сейчас. Потому что вечно жить в стрессе человек не может. Это становится какой-то, ну, не знаю, теперь такая норма. Вот как бы. Поэтому уже эмоций таких сильных и не вызывает.

Женя, хуже информированная, Свердловская область

Стоит отметить, что хорошо информированные граждане более чувствительны к изменениям — и к их характеру, и к последствиям. Их реакцией на происходящее может

стать дополнительной осторожностью и настороженностью по отношению к окружающим. Причем чаще вместо практик менее рискованного общения (например, чат в защищенном мессенджере или переход в менее рискованную соц. сеть) люди могут выбрать сокращение количества своих высказываний онлайн и офлайн:

ВКонтакте наказывали, допустим, за рисунки некорректные. Был случай, что кто-то нарисовал аниме-персонажей в стиле церковном. Его арестовали. Как бы вот такое вот. Это всегда было и это всегда будет. ВКонтакте — там можно сделать посты. И зачем мне тогда подвергать себя опасности? Вдруг что-то, что я напишу, кто-то сочтет некорректным? И вот, может быть срок за это. Раз даже художников сажают, еще каких-то деятелей разных сфер искусства, политики. Я привела довоенные случаи. Потом, конечно же, этих случаев стало больше.

Женя, хуже информированная, Свердловская область

Напротив, хуже информированные граждане могут даже не замечать изменения в том, за какие действия и в какой мере наказывают:

Р.: Они [совершившие убийства] многие вышли после суда, потому что до суда идет один за два или один за три, да? И вот они три года до суда дотянули или четыре года, и суд закончился, и им зачли года, которые они сидели. А они резали людей. И они вышли во время суда. Вот теперь мы создали весы. Вот теперь мы...

И.: Вы сравниваете то, где люди резали людей и где никто и ничто не пострадало.

Р.: Вот теперь мы создали систему весов хотя бы, да? То есть людям, которые резали людей у нас в городе, вот так вот шли с саблями просто, вот просто толпой шли и резали, понимаете? Ну, я просто не знаю, еще как объяснить, как это было. Вот они вышли после суда. А кто бросил две бутылки... Вот теперь хотя бы у меня есть какая-то система весов. Теперь я могу сравнить и теперь я могу сказать, что как бы это все неправильно.

И.: Но еще важно, что ваша история произошла в 2006. А эта в 2022, по-моему.

Р.: Думаете, это и есть разница? У них-то как бы те четыре года отсидели, а этот как бы, эти 19 лет отсидят.

И.: То есть у вас нет ощущения, что есть разница? Что тогда, что сейчас закон примерно одинаково работает?

Р.: Я не готова. Я еще раз говорю, я не сталкиваюсь с законом, я предпочитаю вообще не сталкиваться с законом. Потому что ты в любом случае будешь проигравшим. Потому что в моем случае, если я столкнусь, то только за то, что много болтаю. И как раз получу максимальную меру. А за это всегда дается максимальная мера.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Легализм

Несмотря на то, что инструменты репрессий и политического давления задействуют главным образом легалистские механизмы (за исключением внесудебных преследований), и экспертам, и не-экспертам свойственна вера в правовую систему, которую далее мы будем называть легализмом. Большинство наших собеседников склонны считать, что законы просто используются государством и его агентами для защиты своих интересов, и то, что это возможно — баг, поломка легальной системы, а не присущий ей элемент или инструмент, спроектированный специально для этих целей.

Ввиду разного контекста, легализм и взаимодействие с законодательством для правозащитников и остальных выглядит по-разному. Так, правозащитники работают и борются с государством в одной и той же плоскости — в области законов. При этом, хоть и обладая меньшими ресурсами и властью в этом поле, знают «правила», умеют ориентироваться в этом поле и способны влиять на происходящее там.

По сути, все репрессии — что официальные, что, значит, квазиофициальные, что неофициальные — есть... То есть, от такого преследования должны защищать государственные органы. Если государственные органы не дают возможности тебе защититься, значит, объем репрессий будет расти. Значит, люди, которые используют репрессии для достижения каких-то своих целей, для подавления своих политических конкурентов, будут чаще этим инструментом пользоваться. Потому что это просто. Если судебная система и правоохранительные органы работают прозрачно и действительно есть какая-то состязательность и справедливость, то репрессии — не такой эффективный механизм.

Георгий, эксперт, Германия

Не-эксперты, в зависимости от степени их информированности, готовы доверять судебной системе в суждениях о том, что именно произошло, и с какими последствиями должен столкнуться преследуемый. В данной логике, если происходящее укладывается в рамки закона и не противоречит ему, то оно не может быть репрессией или политическим преследованием. Потому что преследование или репрессии — это нарушение закона или манипуляция законодательством для целей преследования.

Я не знаю, сколько по этому закону дают в принципе или что, по какому закону там что произошло. Поэтому мне сложно судить. Может быть, там как бы и законы предполагает такие огромные сроки. Звучит совершенно бездумно и неоправданно. <...> Если мы просто скажем, что есть один этот кейс в безвоздушном пространстве, и в законе действительно написано, что за поджог административного здания 17-19 лет, то в таком случае это не репрессия, это в смысле просто тупой закон. Но закон есть закон.

Максим, хорошо информированный, Великобритания

Мы говорим о том, что репрессии, даже если обозначены, они были обоснованы. То есть не обоснованы не в том смысле, что было обосновано наказание, еще что-то, у них был конкретный реальный повод, который зафиксирован либо в законе, либо в общественном сознании, если он есть. Вот, я считаю, что я не интересен в применении репрессивных действий.

Константин, хуже информированный, Нижегородская область.

Исторические аналогии в разговорах о репрессиях

Нередко в интервью спонтанно возникал разговор об истории — это помогает и производству, и восприятию информации о политических преследованиях. Безусловно, возникали сравнения с периодом сталинских репрессий. Эта ассоциация используется одной из помогающих инициатив в виде формулы «современные репрессии», эффективно доносящей смысл до определенной аудитории. Она же используется при поиске возможных способов протеста и сопротивления политическим преследованиям. Обращение к историческим сюжетам может иметь несколько функций, которые важно различать при производстве информации и анализе ее восприятия. Рассмотрим основные варианты:

- 1 Обращение к истории для построения или укрепления этической позиции

Исторические сюжеты нередко служат основанием для **построения этической позиции, отношения к протесту** и формам его выражения — что приемлемо, а что нет. Можно выделить два полюса мнений.

В одном случае **исторические аналогии видятся как максимально близкие и предлагающие ответы для сегодняшнего дня** — например, революционный террор как рабочий инструмент:

И: А были ли такие случаи, где вы вот сами внутри себя сомневались, можно это считать репрессией или нет?

Р: <...> Такое довольно часто бывает, но это скорее связано с... с убийством, да. У нас был большой спор с N по поводу дела Дарьи Треповой <...>. Он меня победил, он меня убедил в том, что я была неправа — я все-таки говорила, что я не могу одобрить убийство, и мы не можем отвечать насилием на насилие, вот убийство на убийство. Но он меня очень быстро переубедил. Я теперь... я теперь говорю — можно!

И: Ничего себе! А как? Что стало для вас аргументом?

Р: Да вот, собственно, наверное, вся история революционного движения. Освобождение, там, Засулич, Фингер и так далее, и так далее. Опять же, после убийства генерала Трепова. Совпадение фамилий идет... Революционный террор, революционный террор, ну вроде как ну ты его не принимаешь, революционный террор, потому что у тебя растет ХАМАС тут, у тебя Палестина, тут у тебя Израиль, тут у тебя, не знаю, там какая-нибудь Каталония, и революционный террор ты никак не хочешь. Потом ты вспоминаешь родную сторонку и думаешь ну, черт, пожалуй, публично я не буду к этому призывать, нет. Но давайте говорить, что мы стоим на пороге гражданской войны. Эти вещи неизбежны, к сожалению. <...> Я понимаю, что в этом есть большое противоречие — меня как меня и как правозащитника, что это абсолютно противоположные позиции, я бы сказала. И я это осознаю. Я это осознаю и пока перевариваю, и постольку поскольку пока... пока это все теоретические рассуждения, я могу себе это позволить.

Татьяна, эксперт, ЕС

**На другом полюсе мнений обращение к памяти
о сопротивлении кажется смешным и заведомо**

не подходящим нашему времени. Выражающие эту позицию скептически относятся к эффективности протеста, однако часто не объясняют это ничем иным кроме того, что «мы живем в другое время» — история видится принципиально другой реальностью, оставшейся в прошлом и поэтому не подходящей для формирования актуальной позиции и оценок:

Если сравнивать с такими суфразистками, которые поджигали, я не помню, что они там поджигали, заводы, когда там все уходило домой, ну, это очень эстетично. Такой немножечко даже оммаж. Но мы не суфразистки, и они тоже. В других реалиях живем.

Светлана, хуже информированная, Новосибирская область

Я не знаю то время, не то время... Вообще кидать коктейли Молотова в здание. Это в каких обстоятельствах при стабильном обществе, при отсутствии гражданской войны это уместно? Я не знаю.

Константин, хуже информированный, Нижегородская область

Кратко суммировать две указанные позиции можно как «мы близки к гражданской войне (что предполагает принятие радикальных форм протеста)» и «гражданской войны сейчас нет, поэтому необходимо оставаться в рамках привычного».

1 Использование понятия «сталинские репрессии» для объяснения и обозначения современных преследований

Понятие **«сталинские репрессии» удачно схватывает позицию, прежде всего, хорошо информированных**

людей. Это проявляется, когда они рассказывают о своих оценках современных политических преследований, либо когда для них описывает свое поле деятельности та или иная организация.

И: Подходит ли, например, слова «репрессия»?

Р: Ну, мы постоянно пишем, что это репрессии.

Speaker 2: [00:24:37] Ага, да, то есть для вас это не что-то из глубины истории, это прямо рабочие понятия.

Р. Ну, мы говорим, что это современные репрессии <...>.

Все прекрасно понимают, что это типа реально, ну, запугивание, репрессии, вот как бы по большому счету у репрессий был точно такой же смысл: запугать остальных, чтобы они не как бы, не выступали против советской власти. <...> Мы пишем как бы для очень такой... Конечно, политической тусовки, но мы пишем не для активистов. И мы стараемся говорить таким очень прямым, понятным для людей языком, чтобы не пришлось там каждый термин дополнительно разжевывать.

Вера, хорошо информированная, Сербия

Однако **в значительной степени такое определение репрессий — отсылающее к сталинским — может отторгаться людьми, скептически настроенными** относительно применения исторических сюжетов к сегодняшнему дню. При этом разрыв между сталинскими репрессиями и сегодняшним днем видится не в логике принятия решения о наказании, но только в масштабе:

И.: Что должно произойти, чтобы ситуация стала репрессивной?

Р. Ну, вы знаете, что, что происходило в лагерях концентрационных? Ну, это же не то же самое, правда ведь? 30 000 [рублей] — это не конец света, это не отправка тебя, там, за решетку и так далее. Ну, это можно пережить.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Но это не репрессии, это просто дурость. Репрессии, как они были в 30-е годы, это был мощный аппарат.

Понимаете, это была такая, как бы сказать, опричнина, которая готова была действительно растерзать кого угодно. И воля, энергия этих людей была фантастической. И они, в общем, были в состоянии скрутить там бедную Россию, весь Советский Союз, по сути. Вот, теперь нет таких людей вообще. Кто сейчас будет проявлять такой, понимаете, такой фанатизм с этими арестами? Нет. Нету силы, которая может осуществлять репрессии. Вот есть какая-то Росгвардия. Так я уверен, что эта Росгвардия внутри такая же гнилая, как и все остальное. И кто там будет, понимаете... Идейных, как говорится, не осталось практически, мало очень.

Алексей, хуже информированный, Санкт-Петербург

Сталинские репрессии ассоциируются с черным воронком, разрушенной жизнью, исправительно-трудовыми лагерями, мгновенным и прямым насилием («репрессии — это когда нет вот этой вот двухходовочки, когда человека наказывают непосредственно за его политическую деятельность»). Можно предположить, что

человек, который внешне выглядит здоровым, часто не будет восприниматься как репрессированный.

1 Черпание (анти)примеров для собственного поведения

Образ сталинских репрессий также может видаться в качестве инструкции по поведению — однако часто это поведение подразумевает, в первую очередь, **страх и молчание**. Некоторым респондентам тяжело наблюдать в себе, как слово «репрессии» порождает не действие, а бездействие, скорее парализует и пугает. В отличие от случая, когда человек вдохновляется действиями против государства, здесь образ масштабных и страшных, довольно близких по времени событий **сковывает, хотя и дает богатое понимание происходящего:**

То есть все, я тоже уже сломалась. Сломалась. Я все, я внутри этого уже, этой системы ужасной. То есть я прямо очень хорошо начинаю понимать, что происходило в 1937. Я вот хожу волонтером в музей ГУЛАГа. И это удивительно. Знаешь, я прямо понимаю, как все это происходило. Это стало так понятно вообще, когда ты смотришь на все. На то, что в музее выставлено про 30-е годы. Так становится понятно, конечно. Как вообще эти метаморфозы с людьми происходили.

Дарина, хорошо информированная, Россия

Также исторические сюжеты, безусловно, служат рассуждениям о том, как «делать не надо» — например, говорят об **опасности вовлечения людей в протест:**

Вот стоит прослойка людей из народа, который пошел за интеллигенцией. Вот, который поверил в это будущее, просто на словах, просто поверил. И вот они — это вот то самое пушечное мясо, которое попадает. <...>

Их не так много, опять же, да, если у нас интеллигенции, там, допустим, 10%, да, то этих людей, там, ну, может быть, еще пять, 5-10%. И вот они, как сказать?

Интеллигенция говорит: «вот есть же все вот это прекрасное будущее, берите флаги, берите то, берите се, кричите, вот устраивайте там всякие вот эти вещи, надо будить народ, будить народ». Вот они берут, машут и попадают вот во все эти истории. Народ не разбудить.

Если его разбудить и не знать, что с ним делать, — это будет 17-й год. Это вообще всю страну разорвет. Вот

у меня такое представление. России противопоказаны революции, ей нужна эволюция и поступательное движение. Народ нужно свой любить, народ нужно просвещать, народ как ребенка надо выхаживать. <...>

Помоги сделать так, чтобы он не боялся, народ.

Ну хочется тебе сейчас, да, сделать революцию, и чтобы прекрасный мир настал сейчас. Но надо реально смотреть на вещи.

Марина, хорошо информированная, Москва.

1 Уход от современной реальности через углубление в другие сюжеты

Наконец, еще одна функция обращения к истории при разговоре о политических преследованиях — **постановка себя на комфортную дистанцию, черпание успокоения** в том тезисе, что в другом историческом периоде жестокость и масштаб репрессий были намного значительнее. Безусловно, в первую очередь и здесь говорят о сталинских репрессиях. Похожим образом работает и дистанцирование от опыта других стран: законодательство Китая предполагает более строгое

наказание за протест, в мусульманских странах преследуют христиан так же, как в России — мусульманские религиозные группы и т. п.

Указание на другие периоды или страны может трактоваться как некоторый **эскапизм** — эти сюжеты могут возникать в том случае, если информация о репрессиях тяжела или обсуждать ее сложно.

ВОСПРИЯТИЕ РЕПРЕССИВНЫХ КЕЙСОВ

Чтобы иметь возможность говорить об относительно сравнимом между респондентами восприятии репрессий, мы предложили всем не-экспертам 5 материалов — краткое описание реальных случаев из практики ОВД-Инфо. Для этого выбраны ситуации преследования по разным основаниям, в разных ситуациях.

Респонденты знакомились с короткими описаниями кейсов, чтобы затем ответить на вопросы об их отношении и интерпретации ситуаций (см. [гайд](#)). В этом разделе мы собрали исчерпывающий набор обобщенных высказываний о кейсах, демонстрирующий разнообразие перспектив и оценок. Нельзя сказать, что все суждения о кейсах можно с определенностью отнести к аргументам «за» или «против» справедливости описанных ситуаций, формирующим больше или меньше сочувствия и т. п. Однако это наборы значимых атрибутов и «вещей», которые помогают представить некоторый обобщенный портрет каждого кейса для респондентов.

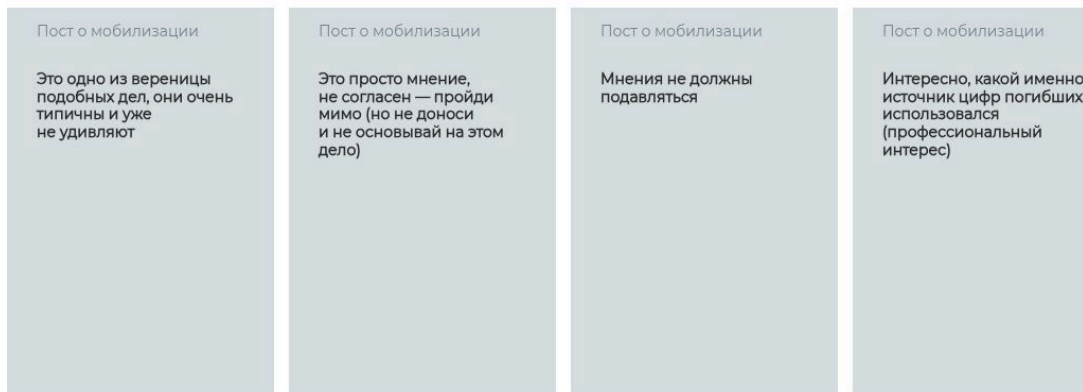
Пост про мобилизацию

Текст кейса, который зачитывался или высылался в мессенджере респонденту:

Археолог из Великого Новгорода написал в своих соцсетях такой пост: «Мобилизация — это когда люди, не хотящие

умирать, посылают на смерть людей, не желающих воевать». Под постом был его комментарий о том, сколько российских военнослужащих могло погибнуть в Украине. За эти пост и комментарий суд оштрафовал его на 30 тысяч рублей по статье о дискредитации армии.

Суждения о кейсе

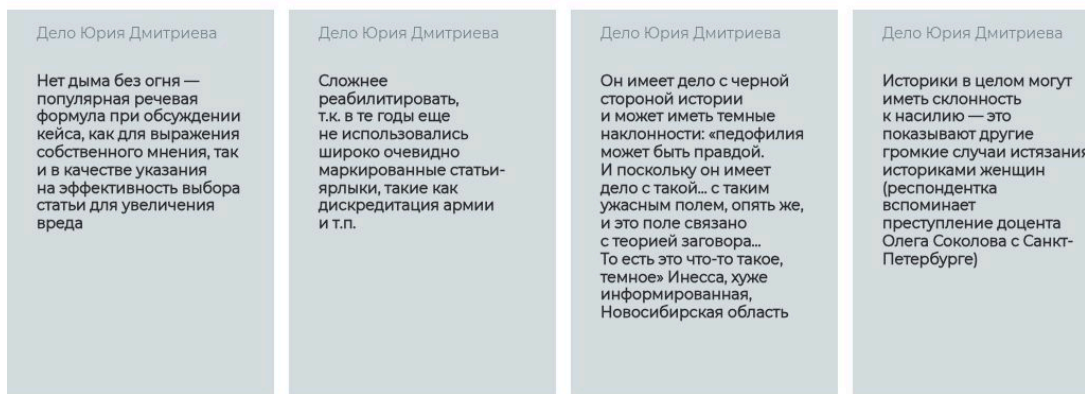
* A Flourish data visualization

Юрий Дмитриев

Текст кейса, который зачитывался или высылался в мессенджере респонденту:

В 2016 г. историка обвинили в изготовлении детской порнографии с участием его приемной дочери, в 2018 — в насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица. Суд приговорил его к 3,5 годам лишения свободы. Затем срок был повышен до 15 лет. До заключения он работал в местном отделении правозащитной организации, значительную часть времени посвящал мемориальному комплексу жертв тайных казней, проводимых НКВД в 1930-х годах. Вскоре организация, где он работал, была признана иностранным агентом и ликвидирована по решению суда.

Суждения о кейсе

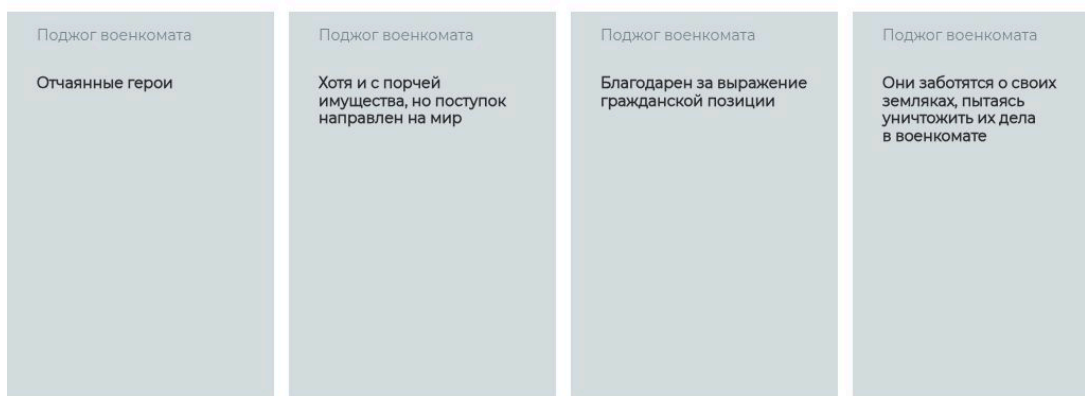
* A Flourish data visualization

Поджог военкомата

Текст кейса, который зачитывался или высылался в мессенджере респонденту:

В октябре 2022 года двое музыкантов бросили несколько коктейлей Молотова в окно администрации города Бакал, где находился военно-учетный стол. Сотрудница стола рассказывала в суде, что поджог мог бы уничтожить картотеку на 4000 человек. В результате загорелся линолеум, очаг возгорания ликвидировала женщина-сторож. Мужчинам назначили по 19 лет лишения свободы.

Суждения о кейсе

* A Flourish data visualization

Свидетели Иеговы

Текст кейса, который зачитывался или высылался в мессенджере респонденту

В Самаре прошли массовые обыски у свидетелей Иеговы. Пожилой мужчина рассказал, что сотрудники полиции прикладывали к его рукам нагретый чайник и поливали его кипятком из-за того, что он отказался сообщать пароль от ноутбука. Суд приговорил четырех человек к семи годам колонии за организацию экстремистской деятельности.

Суждения о кейсе

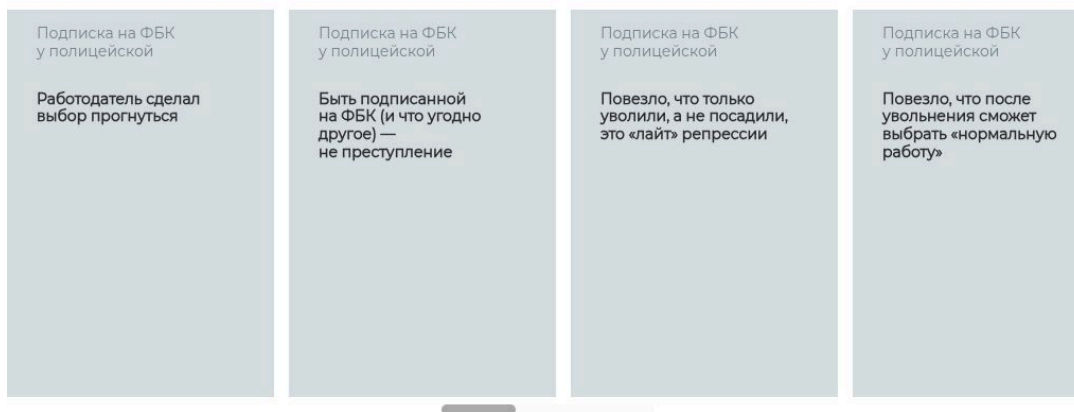
* A Flourish data visualization

Подписка на ФБК у полицейской

Текст кейса, который зачитывался или высылался в мессенджере респонденту

Старшего дознавателя из Томска заставили уволиться из полиции за то, что она была подписана на «Фонд борьбы с коррупцией» и «Умное голосование», а также комментировала публикации о плохих дорогах в Томске и обсуждала в сети поправки к Конституции.

Суждения о кейсе

* A Flourish data visualization

Сравнение кейсов возможно?

Напрямую ответ на вопрос «Какие кейсы репрессией считают большинство, а какие — меньшинство» вряд ли возможен. Например, некоторые хуже информированные респонденты не считают ни один из представленных кейсов репрессией или нарушением. И, напротив, некоторые люди отказывались ранжировать кейсы по приближенности к понятию политического преследования и репрессии — например, по причине нахождения всех кейсов «за гранью»:

В системе, которая будет приоритезировать человека, ни один из этих кейсов не будет возможен. Поэтому я бы не стала их ранжировать.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

Понятия «репрессии», «политическое преследование» и другие, в т. ч. «справедливость», обнаружили себя как очень многозначные и несравнимые между собой у разных респондентов.

Поэтому мы предлагаем ранжирование кейсов на основе нескольких граней восприятия, речь о которых спонтанно или с подачи исследователей систематически возникала в большинстве интервью при обсуждении каждого материала. Мы выделили 5 шкал — это оценки, выраженные в «разговорных формулах», сконструированных нами на основе логик аргументации при определении политических репрессий. Это также своеобразные маркеры некоторых этапов пути, который проходит человек от неразличающего к различающему репрессии. Кейсы проранжированы исследователями на основе материалов интервью по следующим шкалам в форме близости или отдаленности от утверждений:

1 Сочувствую, мне жаль героя

Сочувствие, эмпатия к героям истории — распространенное чувство для всех групп респондентов. Важно фиксировать сопереживание, поскольку оно не обязательно предполагает несогласие с наказанием, однако препятствует значимой функции репрессии — вытеснению преследуемого в зону Другого, «не моего» мира. На пути к большей степени восприятия репрессий сочувствие может становиться сильнее скептического отношения к отчаянному поступку, совершенному заведомо не по правилам.

2. Это слишком строгое наказание

Некоторые могут определять репрессию через строгость наказания. Строгость измеряют относительно различных «стандартов»: практики российского и международного правоприменения, количества лет в тюрьме. Наказание включает не только сам приговор, но и дополнительные факторы страдания — пытки, очернение репутации.

3. Это наказание за кредо, твердое убеждение

Наказание за взгляды — довольно распространенное понимание политических репрессий, близкое к диссидентской традиции. С одной стороны, оно скорее не позволяет говорить о подверженности репрессиям абсолютно любого человека (что также значимо для некоторых). Однако такое понимание причины преследований предполагает не только жертвенную, но и достойную уважения твердую позицию героя. Это нечто, что противостоит государственной силе.

4. Действия наказанного дают надежду, кажутся полезным и смелым протестом

Надежда и восхищение смелостью схожи с уважением к твердости убеждений, однако в данном случае наиболее значима протестная природа поступка. В то время как многие боятся протестовать в открытых и скрытых формах, протест другого, выраженный публично, кажется полезным для общества.

5. Вижу абсурд наказания — его логика непонятна и чужда мне

Видение абсурда подразумевает чаще всего невозможность логически объяснить либо сам факт наказания, либо выбор объекта наказания, неприятие во внимание обстоятельств жизни наказуемого. Безусловно, это шкала схожа с оценкой строгости наказания, однако видение абсурда исходит из неуместности наказания в принципе:

Я считаю это абсурдным, потому что человек высказал правду, человек не сказал ничего такого, что являлось бы ложью, а его оштрафовали.

Мария, хуже информированная, Москва

Под абсурдом могут также понимать логическую несовместимость преследования с окружающей реальностью, т. е. государственный цинизм:

...абсурдными ситуациями вроде того, когда пресс-секретарь уже открыто называет это войной, но людей по прежнему продолжают штрафовать, привлекать к ответственности за название войны войной.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

Итак, репрессии определяют с разных точек зрения. Например: археологу назначили штраф, легкую меру наказания, — соответственно, это «не репрессия». Однако он был наказан за свою позицию, и это репрессия. Если человек склонен видеть репрессии через тяжесть, строгость наказания, то поджог военкомата он с большей уверенностью отнесет к репрессиям, чем, например, увольнение полицейской за подписку на ФБК. Однако если респондент видит репрессии как абсурдные наказания от государства, то оценки будут диаметрально противоположными: увольнение за подписку видится абсурдным (хотя и далеко не всегда), а 19 лет за поджог военкомата — скорее логичным. Таким образом, кейсы могут располагаться ближе или дальше от черты неприемлемости даже в рамках рассуждений одного человека. Свести эти шкалы в одну общую не получится.

В анализ включены только те конкретные ситуации, которые в унифицированном виде предлагались респондентам.

Больше всего чувств вызывают наказания за поджог военкомата, а также подписка на паблик ФБК у полицейской, меньше всего — дело Дмитриева

* A Flourish data visualization

Восприятие статуса иноагента

Поговорив о конкретных случаях и перейдя к обсуждению политических преследований в целом, мы также интересовались, воспринимают ли статус иноагента и практику задержаний на митингах как репрессии и политические преследования и почему. Здесь мы не предлагали описаний конкретных ситуаций и полученные данные не могут быть сопоставлены напрямую с рассмотренными выше кейсами. Однако можно подробнее рассмотреть варианты оценок этих мер.

Для экспертов закон об иностранных агентах принадлежит к плеяде других репрессивных методов:

Это такие типа дискредитирующие законы, ну типа иноагентами тоже назначают кого попало. Это, кстати, тоже, типа, одна из частей репрессий, типа как и нежелательности организации, все прочие.

Вера, хорошо информированная, Сербия

Для хуже информированных граждан статус иноагента может не становиться негативным маркером в силу того, что он не является редкостью, тем более он распространяется на организации и персон, за деятельностью которых люди следят многие годы. Наоборот, факт обозначения любимого артиста иноагентом может вести к негативному мнению о законе:

Монеточка — иностранный агент. Да и не только Монеточка, много разных знаменитостей получили такое... титул... Ни за что, просто потому, что они — артисты, высказывающие свое мнение. Да и не только артисты, много людей ни за что получили такое звание. Я бы сказала, что это просто отстой. Это неправильно. И ладно бы, эти люди, действительно, угрожали раскрытием тайн нашей страны.

Мария, хуже информированная, Москва

В этом смысле закон не так сильно ассоциируется со сферой обособленно политического, поэтому больше людей готовы публично рассуждать о нем. Претензии, в том числе хуже информированными респондентами, могут предъявляться также и с точки зрения логики присвоения этого статуса — например, это не кажется похожим на шпионаж советского времени, в котором были ясны основания преследований:

Раньше иностранный агент это был, когда шпион был за другое государство. Дак это он же выполнял свою работу. И то, его не осуждали как иностранного агента, его осуждали за какие-то действия или высылали, или сажали там в тюрьму, или еще что-то, понимаете?

А здесь вообще ничё непонятно. Для меня понятие вот «иностраный агент» — это тоже... абстракция какая-то. <...> У нас были, вот Пеньковский был в наше время, который предал страну, там, передал эти всякие... документы за границу. Ну, это как предатель был.

Ольга, хуже информированная, Москва

Другое проявление нелогичности в том, что заслуживающие осуждения люди, даже покинувшие страну (например, хуже информированной респонденткой упомянут Чубайс), статуса иноагента не получают. Также неясен путь для снятия статуса, реабилитации — даже профессиональный юрист в интервью уточняет, что ему интересен механизм оспаривания, но он не знаком с ним. Такие вещи непонятны и ведут к сомнениям в полезности закона.

Однако, безусловно, многие готовы принимать этот закон без возмущения. Например, даже личное неудобство, связанное с потерей площадки для фандрайзинга и денег, может не вести к осуждению практики признания иноагентом. Так, благотворительный фонд одной из респонденток собирал средства через «Нужна помощь». После признания последнего иноагентом в фонде приняли решение не забирать эти средства из опасений, что это может повлечь получение статуса иноагента и самим фондом. В такой ситуации респондентка считает важным подстраиваться под новые обстоятельства, но не вовлекаться в рассуждения о справедливости:

Р.: У нас был агрегатор фондов «Нужна помощь», их признали иноагентом. И мы даже не стали выводить оттуда деньги в страхе от того, что нас тоже признают иноагентом. Потому что деньги, которые мы там собрали, теперь... Ну как бы они-то иноагенты. Если мы от них деньги получим, то, значит, мы тоже иноагенты.

И.: Считаете ли вы это несправедливостью?

Р.: Ну, справедливости нет на свете.

И.: Не знаю. Политическим преследованием?

Политическим давлением? Или все нормально, все по закону, нет вопросов?

Р.: У нас так много всех вот этих вот. Всех, которые можно признать несправедливостью в жизни, что нужно просто уметь подстраиваться под текущие обстоятельства, что мы и делаем. Если бы мы сильно переживали насчет каких-то событий, то мы бы уже, наверное, не выжили.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Задача закона — охрана государства от политического влияния — понятна и близка некоторым респондентам, хотя конкретное правоприменение может содержать и «перегибы», но к ним относятся с пониманием, без возмущения:

Я понимаю, что тут могут быть какие-то перегибы со стороны государства, потому что бывает, что эти фонды, ну, более или менее безобидные. Но я понимаю, что государство защищается, потому что есть фонды, которые, конечно, не безобидны, которые преследуют политические цели.

Алексей, хуже информированный, Санкт-Петербург

Есть респондент, который сначала воспринял закон негативно, однако затем и он перешел к его видению как рационального (хотя и считает его применение политическими преследованиями, а сам закон — «сделанным вне правового поля») в деле защиты от иностранного влияния:

Сначала тоже к этому скептически, очень сильно относился скептически. Но по прошествии пару лет чуть-чуть изменилось, я понял, картина не такая простая, как казалось. Ну, то же Breakfast show, да? Вот они выходят очень регулярно и каждый раз с какими-нибудь комментариями военного эксперта о том, что все, сейчас фронт у России рассыпался. Ну, а откуда вот деньги они берут, мне интересно? То есть нельзя ведь содержать студию на донаты? И рекламы там нет. То есть кто это все делает? Откуда это? Понятно, что доказательства прямого нет. Ну, вряд ли это подписчики спонсируют в таком объеме это дело. Понятно, что это, ну, есть какая-то организация, которая деньги дает. И не то чтобы это, наверное, какая-то российская организация. Плюс там, не знаю, какой-нибудь «Карнеги центр», да, вот там, посмотришь тоже этих ребят — Баунов там или Габуев. А вот у Баунова я видел интервью — такое огромное просто. Понятно, что он уже никуда не собирается оттуда, из своей Португалии или где он там живет. Вот они летят, значит, на симпозиум в Америку, на симпозиум Центра Карнеги. Тоже там кто их спонсирует? Карнеги. А это как бы независимая общественная организация? Ну не смешите.

Влад, хуже информированный, Сочи.

Этот пример иллюстрирует, что, несмотря на согласие с характеристикой закона как обеспечивающего

политические преследования, можно считать эту практику необходимой для страны.

Таким образом, несмотря на претензии к логике, закон об иностранных агентах и его применение не вызывают особенных эмоций — скорее реакции колеблются от непонимания к пониманию государственной воли.

Восприятие задержаний на митингах

По сравнению со статусом иноагента, задержания на митингах воспринимаются более эмоционально — причем как их сторонниками, так и противниками. Так, респондентка, которая рассказала нам о ситуации ее фонда и «Нужна помощь» и не комментировала действия государства по закону об иноагентах, в случае обсуждения задержаний на митингах солидаризируется с государством и показывает, что задержания и устрашение участников митингов необходимы.

Ну, а вот что бы вы сделали? Вот вы государство. Вот, вот. Вот вы государство, вы такие смотрите: «Блин, эти дебилы опять в кучи собираются. Сейчас будут коктейли Молотова кидать. Нахер разгоню. А че я буду их каждый раз разгонять? Лучше я приму закон, когда участие в митингах...»

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Также задержания оправдывают тем, что это заранее известные всем «правила игры», поэтому участники собраний заведомо идут на риск и сочувствовать им не стоит:

На какие-то митинги можно выходить, видимо, которые прославляют ситуацию, на какие-то — нет, и люди идут туда на свой страх и риск. И они точно знают, что они будут преследуемы, и это справедливо.

Светлана, хуже информированная, Новосибирская область

Противники задержаний, в первую очередь, ссылаются на нарушение конституционных норм. Например, тот же респондент, который скорее солидаризировался с государством в вопросе существования закона об иноагентах, в случае с задержаниями на митингах отдаляется от государства, оценивая это как ограничение свободы собраний:

У нас есть свобода собраний, ее зажали и запретили любые публичные собрания, потому что их боятся. То есть то, чего... Это, наверное, самый большой страх нашей власти о том, что люди выйдут на улицу и чего-то начнется. Потому что Майдан это, конечно, кошмар. Поэтому все любые публичные активности, они, ну, такого рода, они их очень боятся и запрещают как могут.

Влад, хуже информированный, Сочи.

Тема задержаний на митингах ближе, чем статус иноагента, и вызывает больший отклик, возможно, за счет того, что участники митингов — обычные люди, а не знаменитости:

Если это какие-нибудь террористические организации, это да. А если это просто обычные люди, которые вышли, ну, никакой субкультуры какой-то там организации политической. Религиозной вышли просто разные люди, то это, конечно же, я считаю политическим преследованием чистой воды.

Женя, хуже информированная, Свердловская область

ЛОГИКИ ОПРАВДАНИЯ РЕПРЕССИЙ

В этом разделе мы рассмотрим аргументы, позволяющие видеть репрессии частной поломкой, а не системным преследованием определенных групп людей или поступков.

Виноват протестующий

1 Внешнеполитический контекст влияет на практики правоприменения. Государство чувствует угрозу и принимает меры для своей защиты, в частности за счет ужесточения наказаний и подавления инакомыслия. Война становится таким контекстом, в котором снижается чувствительность к насилию и к радикальным действиям со стороны государства. Понимание внешнего политического контекста и принятие решений с учетом внешних факторов — обязанность граждан.

Почему его оштрафовали? Потому что сейчас у нас идет война, и это естественная реакция государства, которое боится, что его взорвет изнутри, оно пытается себя оградить. Чтобы другим было неповадно. **Марина, хорошо информированная, Россия**

Государство пытается себя обезопасить в условиях войны. И я не думаю, что, опять же, это относится только к России. Любая страна в такой ситуации, в состоянии войны занималась бы тем же самым. И я не поверю, что другая страна делала бы что-то по-другому.

Марина, хорошо информированная, Россия

Какие-то громкие кейсы, происходящие за границей, они могут повлиять, просто озлобить эту машину тоже как-то, что это красивый показательный повод для репортажа, что у вас там на Западе что-нибудь, какой-то министр поддержал врага России, а мы ему назло посадим десять других здесь, которые пока остались.

Егор, хорошо информированный, Армения

- 1** Существует представление о «правилах игры», которые надо понимать. Принятие решений совершается в условиях определенного политического контекста, и какой бы добродетельной или «нормальной» ни была бы интенция, игнорирование этой среды и ее правил расценивается как глупость. Соответственно, мотивация субъекта оказывается неубедительной, позиция незрелой, и в итоге пострадавшему от репрессий не сочувствуют, а напротив, его критикуют.

Когда человек в ваших личных границах рядом с вами начинает либо материться, плевать на пол, что вы можете сделать? Ну, как бы, если у вас точка кипения достигла апогея, то вы можете и по лицу ударить, да? <...> Так вот тут есть государство. У государства есть свои правила. Это структура, это способ управления людьми. И у него есть правила, и в принципе, эти правила выдуманы ими. Поэтому, как бы, о чем мы говорим, что нарушает? Ты как бы покати бочку на то, на что ты не можешь катить, у тебя нет сил на это бочку катить.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Если уж ты занимаешься политикой в России, будь готов сесть. Это понятно, это такой скажем так, вход в профессию.

Влад, хуже информированный, Краснодарский край

1 Современное государство воспринимается как носитель, насильно насаждающий традиционные ценности, и в целом действующий в рамках всем известной государственной идеологии. Соответственно, нарушение «скреп» и критика любого аспекта идеологии чреваты наказанием, и это видится как common knowledge.

Это же как бы идеологическое, это же скрепа. <...> Все публичные заявления о том, что ты ЛГБТ — это... так ловко сделан закон, что — я так и понимаю, что для этого, — что это как будто бы пропаганда.

Дарина, хорошо информированная, Россия

Вот здесь как раз, понимаешь, да, а здесь не укладывается в другую скрепу — православия. Здесь какие-то свидетели Иеговы, секта, а с сектами мы боремся.

Дарина, хорошо информированная, Россия

1 Незнание законов не освобождает от ответственности. При условии, что прокурор и судья обращаются к существующему законодательству и действуют в рамках принятых статей. Госслужащие не воспринимаются как репрессоры, поскольку действуют строго по правилам. Соответственно, ответственность за нарушение правовой нормы остается на осужденном, а не на представителях государства.

Если действительно есть такой закон и прописано, да и, как говорят, незнание законов не освобождает от ответственности. Если такой закон есть и все сделано в соответствии с законом, то это, наверное, нельзя называть репрессиями в том смысле, в каком мы понимаем.

Дарина, хорошо информированная, Россия

1 Легализм и вера в обоснованность преследования и ареста. У хуже информированных граждан ожидания по умолчанию предполагают, что действия государства, в данном случае в лице правоохранительных органов и судебной системы, оправданы, разумны, справедливы. Ответственность на человеке, который написал репрессивный закон, а не на прокуроре или судье, который применил существующий закон. Репрессии — это не про правоприменение, а только про создание правовых норм.

Почему именно такое обвинение предъявлено? Ну, вероятно, какие-то были основания для этого. С другой стороны, я прекрасно понимаю, что человек, может быть, там, не знаю, борцом за что-нибудь и при этом педофилом еще. Ну, на досуге.

Алексей, хуже информированный, Санкт-Петербург

Если есть какая-то такая статья, где действительно прописано, что за поджог административного здания дается до 19 лет, то это крейзи. Но на данный момент как бы это законно, и тогда это нельзя считать [репрессиями]. Ну, то есть как условно, как обвинять таких людей, которые выносили этот приговор это уже совершенно другой вопрос.

Максим, хорошо информированный, Великобритания

- 1 При переходе на уровень обобщений и абстракций, возникает дискурс «российского менталитета», который противопоставлен «государству». Есть действующая власть, которая существует и принимает решения в рамках своей логики, а есть «народ», который как-то относится к положениям, которые спускаются сверху. Случается, что «народ» неправильно интерпретирует добрые или нейтральные намерения российской власти, и тогда возникает социальное напряжение.
-

[В ответ на вопрос, почему люди «неправильно» воспринимают закон об иноагентах и осторожнее себя ведут с маркированными фондами] Менталитет российский. Все шпионы, предатели. Вот какое-то смешение понятий происходит. Как клеймо какое-то.
Марина, хорошо информированная, Россия

Виновато государство

- 1 Государство агрессивно действует на опережение из-за того, что не хочет глубоко разбираться в ситуации и замечать нюансы. В результате происходит смешение дискурсов и преследование даже не за погруженность в тему и причастность к опасной деятельности, а всего лишь за «соседство» с ней.

В деле Беркович и Петрийчук, судя по всему, по крайней мере, многие эксперты, комментаторы так считают, причиной преследования стали в первую очередь стихи, антивоенные стихи Беркович, а не сама пьеса «Финист Ясный Сокол». Хотя, конечно, для российских властей, в общем, довольно типично смешивать поддержку терроризма с обсуждением вопросов, связанных с терактами.

Александра, эксперт, Грузия

1 Российская власть не заинтересована в том, чтобы заботиться о своих гражданах и вступать в диалог с гражданским обществом. Напротив, их цель — подавление инакомыслия и создание гомогенного общества, которым будет легче управлять. Для достижения этой цели государству необходимо подавлять инакомыслие и заглушать несогласных.

Они хотят сделать общество как орех, такое крепкое, как грецкий орех, <...> гомогенное, такое очень крепкое, как крепкий орешек, спаянное внутри. **Дарина, хорошо информированная, Россия**

Когда они начали войну, они начали, ввели две новых статьи Уголовного кодекса: преследование за неправильную трактовку войны. Но это просто сделать так, чтобы общество оказалось единым. Обычная классическая история при жестком авторитаризме: не должно быть никакой оппозиции, все должны выглядеть, все должно выглядеть как полная поддержка власти.

Дмитрий, эксперт, Грузия

По громким политическим делам, скорее всего, это будут медийные персоны, которые занимались этим профессионально или непрофессионально и попали под каток политических репрессий для того, чтобы запугать конкретное сообщество.

Пони и Пика, эксперты, ЕС.

1 Схоже с предыдущим объяснением про однородное, гомогенное общество, где государство подавляет всех несогласных, некоторые ставят акцент на том, что российская власть не просто внедряет цензуру и преследует за высказывание «неправильных» взглядов, но больше старается создать такую среду, где граждане будут сами себя дисциплинировать и ограничивать. В этом случае у государства нет задачи провести массовые репрессии, а достаточно лишь запугать и добиться самоцензуры.

Ну, на самом деле, у всех политических штрафов, у всех политических статей, у всех политических кейсов есть только один... Одна цель — запугать. И то есть нам вообще государство прямым текстом говорит: вот ты будешь выделяться, вот тебе штраф, и никакой к тебе лояльности, никакой к тебе поправки не будет.

Вера, хорошо информированная, Сербия

Мне кажется, что главная цель в том, чтобы показать людям именно вот эту хаотичность и широту правоприменения, для того, чтобы люди сами в первую очередь были своим собственным государством. Чтобы они, прежде чем государство до них доберется, сами вычистили свою жизнь, свои соцсети, свою публично активность, свои коммуникации на работе, в паблике, в интернете, где угодно, до такой степени, чтобы к ним было не докопаться государству.

Варя, эксперт, ЕС

1 Палочная система, то есть отчетность и оценка за проделанную работу по количественным, а не качественным показателям, вынуждает или поощряет правоохранителей жестоко действовать. По-человечески граждане могут понять сотрудников правоохранительных органов, но это не снимает с репрессирующих акторов ответственности за совершение аморальных, если не противозаконных, действий.

Может быть, там уже, правда, есть какие-то разрядки. Может, им премию дают за это? <...> Может, у них там надбавка будет к пенсии за это, мы же не знаем. Или просто какая-то тринадцатая зарплата в районе 1 000 000 рублей?

Дарина, хорошо информированная, Россия

1 Граждане, включая правоохранителей, сами боятся преследования в свою сторону, поэтому работают на опережение. Эта логика пересекается с идеей о палочной системе, поскольку правоохранители знают, по каким параметрам их будут оценивать, и они заботятся не только о своем карьерном успехе, но и о личной безопасности за счет того, что достигают желаемых результатов любой ценой. В этом случае отношение к сотрудникам госорганов тоже более мягкое, с пониманием, однако вместе с тем эта логика критикует политику государства, которое ставит сотрудников в такие условия и перед такими выборами.

Люди изображают бешеную поддержку режима, потому что боятся сами стать жертвами репрессий.

Алевтина, хорошо информированная, США

1 Случается, что политические репрессии выступают как инструмент для решения вопросов, не связанных с политикой. В этом случае государственная машина репрессий используется в частных интересах. Как правило, под удар попадают люди, которые кому-то мешают своей публичной деятельностью. Несмотря на то, что инициатива не исходит от российской власти, сам факт того, что такая борьба с противниками возможна, — результат современного политического климата.

Условно, типа ты бизнес, тебе мешает градозащитник. Ты как-то попросил какого-нибудь <...> написать донос, потому что, ну, оказалось, что этот человек еще и войну не поддерживает <...> Тут как бы политическое преследование инструментализируется какими-то другими интересами, как очень часто сейчас в России происходит <...> Обычно люди все-таки какие-то шкурные интересы, как мне кажется, преследуют.

Максим, хорошо информированный, Великобритания

РАЗЛИЧИЯ В ЛОГИКАХ ЛУЧШЕ И ХУЖЕ ИНФОРМИРОВАННЫХ ЛЮДЕЙ

Дополнительный контекст помогает повлиять на восприятие истории. Однако, чаще меняется отношение к правоприменителям, нежели пострадавшему, поскольку дополнительная информация редко противоречит заявленной логике аргументации. Например, если говорящий воспринимает описанную ситуацию как акт насилия (коктейли Молотова как акт разрушения, педофилия в отношении приемной дочери, деструктивное влияние секты на членов общины Свидетелей Иеговы), то едва ли какие-то дополнительные детали значительно повлияют на отношение к виновности осужденных.

Улучшить отношение к осужденным сложно (так работает стигматизация обвинения), зато ухудшить -- относительно легко. Например, «экстремистская организация» или «секта» экспертами воспринимается как маркированная статья и политическое преследование, в то время как для представителей двух других групп эти слова работают как шлагбаум: они редко хотят узнавать про это по собственной инициативе.

А если это дело было сфабриковано, то было за что его фабриковать.

Женя, хуже информированная, Свердловская область

Этих людей приговорили за экстремистскую деятельность. Значит было, наверное, за что там приговаривать.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Пытки против свидетелей Иеговы считаются как неприемлемый акт представителями всех категорий информированности. Однако переживание пыток никак не оправдывает самих пытаемых, «потому что, видимо, было что-то в компьютере». Среди хуже информированных встречалось недоверие к факту пыток:

Это же палево, взять, кипятком обливать. Зачем лишнюю волну вызывать? Ну, я уверена. <...> Вы что думаете, сейчас, обязательно кипятком обливать? Да я вас умоляю. Я не верю в то, что нет никаких препаратов, которые, какие-нибудь там, сыворотка правды, сыворотка мучений, там, сыворотка еще чего-нибудь.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

В деле Дмитриева очевидный шифт происходил, если участники узнавали о полной фабрикации дела. Недоверия к этой мысли не возникало, поскольку это вписывается в логику самозащиты государства и палочной системы. Однако и полного доверия к невиновности Дмитриева по делу о сексуализированном насилии не возникало, т. к.

«не бывает дыма без огня». Более того, работа Дмитриева как историка репрессий вызывала негативные ассоциации:

Историки вообще очень специфичные люди и я бы не удивилась, если бы это оказалось правдой. Тем более у него тема работы такая — Мемориал. Тайные казни, и миллиард расстрелянных лично Сталиным и все остальные заговоры, теории заговоров... Я не очень в них верю. <...> Я пытаюсь вспомнить фамилию другого историка, который студентку свою расчленил.

Инесса, хуже информированная, Новосибирская область

Объясняя причины такого «неумного» поступка как бросание коктейлей Молотова, хуже информированные люди могут говорить о насилии — семейном, школьном, армейском, — которое влияет на «воспитанность». При этом действия государства по мобилизации и запрете протеста не видятся причиной поступка:

И.: А озлобленные... вот Вы сказали. Озлобленные на что или на кого?

Р.: Да, все идет с детства. Значит, эти дети не контролируемы, которые были не востребованы своими родителями, может быть, упущено или, наоборот, слишком за... изнеженные. То есть это пробелы в воспитании, прежде всего. И самое главное все надо искать оттуда. <...> Все идет из детства, все идет из воспитания, из взаимоотношения в семье, между детьми и родителями. Потом, значит, возможно, школа как-то тоже негатив внесла. <...> И потом вот еще, знаете, может быть, армия, когда служили они, не служили. Вот дедовщина... вот это вообще страшное явление в армии, ужасное. Меня всегда возмущало то, что как это можно было вот... допускать эту дедовщину и столько лет.

Ольга, хуже информированная, Москва

Соответственно, можно выделить следующие общие места в логиках для экспертов и не-экспертов:

- Причинение вреда или угроза жизни и здоровью — легалистский маркер репрессии как для хуже, так и для лучше информированных респондентов.
- Тот факт, что правоохранители могут применять пытки, вызывает осуждение и чувство несправедливости. Яркая реакция на пытки в кейсе свидетелей Иеговы присуща всем категориям респондентов.
- Несмотря на то, что для многих насилие остается неприемлемым, другие — как в числе экспертов, так и хорошо информированных граждан — начинают допускать для себя агрессивные действия в адрес государства.
- В составе всех групп респондентов есть те, кто допускает для себя возможность стать преследуемым и, в целом, видит политические преследования как-то, что может коснуться каждого.

Расхождения в логиках:

- Эксперты с большей вероятностью будут считать репрессиями не только преследование и судебные решения, но и другие формы давления (арест за пикет, избиение у подъезда и пр.)
- Хуже информированные чаще исходят из легализма: не считают законы репрессивными, только методы: мы можем по-разному относиться к закону, но если законы существуют, то им надо следовать, незнание закона не освобождает от ответственности. Между тем, отказ от буквы закона, беззаконие с большей вероятностью воспринимаются как репрессии.
- При общей чуткости к насилию, хуже информированным людям сложнее объективировать агрессора как само государство, действия которого приводят к реакции протеста.
- Не-эксперты максимально стараются уйти от вынесения суждений о том, где закон прав и не прав, не чувствуют компетенции говорить об этом.
- У не-экспертов, которые считают, что преследование свидетелей Иеговы может быть оправданным, раз они объявлены экстремистской организацией, факт применения пыток никак не ведет к мысли о том, что это может быть симптомом неправомерного преследования.
- Для не-экспертов, даже хорошо информированных, пока истории остаются лишь только в новостях, про них говорят в категориях несправедливости. Вопрос «можно ли это считать репрессией» возникает в шутку только в разговоре о личном опыте (например, «Если человек чистит ленту в своем Фейсбуке, исключает оттуда всех, кто вывесил там украинский флаг или российский флаг? Это не политическая репрессия?» Марина, хорошо информированная, Россия).

РЕАКЦИЯ НА РЕПРЕССИИ: ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА

Эксперты называют целью политических репрессий гомогенизацию общества и десенсибилизацию общества к насилию. Она требуется как на уровне презентации (не выражать несогласие, инакомыслие), так и на уровне активного выражения лояльности (пойти на митинг, сдать взносы в поддержку армии).

Однородность взглядов в обществе достигается за счет подавления политической воли, распространения страха и апатии. Юристы консультационной линии отмечали, что граждане плохо оценивают свои риски, часто чувствуют себя под угрозой, даже когда для этого нет серьезных поводов. Многие наши информанты поделились тревогой, что невозможно предсказать, что будет происходить, и нет понимания, каких мер предосторожности придерживаться: «закон что дышло — как повернешь, туда и вышло», «на каждого статья найдется».

Доминирует ощущение, что негативные сценарии с большей вероятностью окажутся правдой. Постоянный страх, самоцензура, переживание за безопасность становится требованием для общения, особенно в случае активистов, но не экспертов, когда уже участвуешь, но это еще не твой стиль жизни: «когда ты говоришь, как хочешь, и думаешь, как хочешь, а они этого делать не могут, они чувствуют, что ты их как будто бы в преступление втягиваешь».

Это все как бы все направлено на некий такой перформанс, как я себе это представляю. Больше про то, чтобы людям было страшно, и на самом деле страшность неадекватности, абсурдности. В чем как бы тревожность от этих репрессий? В том, что они совершенно не объяснимые, они совершенно не поддаются никакому логическому... никакой логики.

Пони и Пика, эксперты, ЕС.

С одной стороны, люди, которые формируют дискурс о репрессиях, «помогают» репрессирующим аппаратам за счет распространения информации о жестокости, а с другой общим местом является переживание, что невозможно вынести оценочные суждения, потому что не хватает статистических данных. Причем этот мотив возникал у сторонников любого медиаконтента, любой степени погруженности, любого возраста и географии: «мы не знаем всей правды», «я не эксперт надо смотреть статистику», «неправильно делать обобщения только на основании своего круга».

Любопытно, что не-журналисты агрессивно выступают против эмоциональных материалов, потому что «не хватает на все сил», «у меня есть своя семья, за которую я переживаю», и активно выражали недоверие журналистике и требовали сухих фактов и отсутствия манипуляций. Такие люди, скорее, избегают новостей и пытаются фокусироваться на работе, семье, друзьях и скорее не следят за достоверной статистикой.

Что касается обсуждения кейсов, они вызывают разные эмоции. Новость об увольнении сотрудницы полиции и штраф в 30,000 рублей за пост и комментарий о мобилизации неоднократно комментировались как удача или пощада. «Подъемное» наказание воспринимается как рядовой случай, а не нечто из ряда вон выходящее.

Дело Дмитриева не считывалось менее информированными как знакомое, и обвинение в педофилии вызывало немедленную бурю протеста, звучали требования максимального наказания. Информация, что он историк и работал с темой репрессий в ликвидированной позже организации никак не меняла восприятие, только утверждение о фабрикации всего дела могло вызвать возмущение.

Пытки в деле о свидетелях Иеговы практически без исключения и немедленно вызывали возмущение. Пытки называли членовредительством, противочеловечными, насильственными мерами, а также собственно пытками. Отношение к самим свидетелям Иеговы более неоднозначное: эксперты единодушно убеждены в их невиновности, а менее погруженные в тему люди опасаются выносить подобные суждения и припоминают свои обрывочные знания и стереотипы об этой религиозной организации. Словосочетание «экстремистская деятельность» также не считается как маркированная статья, и люди отказываются выносить оправдательные суждения.

Кейс про коктейли Молотова, брошенные в военкомат, вызывал наиболее сложные реакции. Звучали благодарности за выражение гражданского несогласия и антивоенной позиции, солидарность, обвинения в очевидном нарушении закона и предложение перемешать все документы и свести с ума чиновника вместо того, чтобы совершать очевидный акт насилия. Несмотря на различия в оценке самого действия, жестокость приговора вызвала общее осуждение и ощущение несправедливости, несоразмерности наказания.

Среди других кейсов, упоминаемых нашими информантами, наиболее частым оказалось дело Евгении Беркович и Светланы Петрийчук. Оно возникало как

иллюстрация «публичной порки» в сфере культуры и искусства, надуманного дела и бесчеловечного отношения к удочеренными детям Беркович.

Информация, помогающая формироваться чувствам возмущения, способна сблизить лучше и хуже информированных, подвести их к единым категориям *морального* права, т. е. осуждению правоохранительных органов. Невозможность повлиять на исход дела у фигуранта, его бессилие перед работодателем, судом или следствием вызывает ощущение непозволительной, обидной диспропорции:

[Какие чувства у вас возникали в связи с разными этими случаями?] Ну знаете, честно... И настороженность, и чувство внутреннего возмущения, и... чувство какое-то недозволенности вот поведения со стороны властей. Чувство... а, может где-то чувство обиды, то, что брошенные люди сами по себе должны выплывать... Никто, это, руку не подает.

Ольга, хуже информированная, Москва

При этом у более информированных и даже экспертов возмущение может подводить к поддержке насилия:

Мне кажется, что мы находимся в такой точке, в которой именно инструментами правовой системы невозможно бороться против того, что происходит. Собственно, поэтому я как бы мало того, что не чувствую в себе возможности осуждать акты насилия по отношению к представителям власти. Я их даже поддерживаю...

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

В целом, люди с более активной позицией говорят про страх, тревогу, напряженность, ощущение небезопасности, «безумного» закона или беззакония, за редким исключением — о терапевтическом эффекте от просмотра новостей, сколько просто знание о происходящем помогает чувствовать, что ситуация известна, под контролем. У людей, менее погруженных в тему политических репрессий чаще возникают мотивы невозможности жить все время в стрессе, ограниченной внутренней вместимости, искомом не-соприкосновении с государственной машиной, отказе от вынесения суждений, опорой только на личный жизненный опыт и категорическом недоверии любым источникам.

Политическое преследование, организованное собственным государством, видится как в некотором смысле свое, неотъемлемое и постыдное, от которого хочется защитить других:

Это была тема с депортацией китайцев в 2020-м году из Москвы. То есть мне тут не до конца понятно, почему это меня настолько сильно задело. Просто там был такой ключевой момент. Там то, что мы, особенно учитывая, что сейчас не особо много людей есть, которые активны политически, или занимаются активизмом, или делают очень важные вещи, которые в принципе не жили не при Путине. Вот получается дальше, что у нас есть некоторая привычка, мне кажется, к этим репрессивным схемам. К тому, что ты воспринимаешь, как бы, ну вот да, у нас типа безумный дед дома живет, но как бы это наш дед. Вот у нас такая жизнь. А тут речь идет про то, что вот эта болезненная и непонятно зачем жестокость, которая существует, она бьет людей, которые вне этой структуры. Которые не обязаны терпеть это все дерьмо. Они, тем не менее, приняли решение так или иначе связать свою жизнь с Россией и здесь учиться или работать. Мы видим сейчас продолжение этого в теракте в Крокусе.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

Соответственно, с такими действиями и их последствиями может возникать желание бороться, т. к. это также и «твоя проблема». Страх может отступать на второй план, если появляется возможность или острое желание помочь пострадавшим, восстановить справедливость в масштабе собственных действий.

В то же время, страх может сковывать и заставлять молчать, если государство не интернализируется, не видится «своим» (например, своим домом с «безумным дедом», как в словах Алии выше), а предстает в виде элиты, обладающей большей властью, чем остальные.

Обнадеживает, что если с минимальными вводными мнения о деле могли быть диаметрально противоположными, то когда мы «выравниваемся»

в знаниях — о фабрикации, о не-повреждении картотеки, о семейных обстоятельствах и пр., — оценки и ощущения хуже информированных граждан больше совпадают с ощущениями лучше информированных и экспертов.

Репрессии, акцентирующие внимание на позиции и кредо обвиняемого, позволяют солидаризироваться на общих основаниях, в чувствах и ценностях объединяться против государственного насилия даже с тем, кто использует насилие в своем протесте:

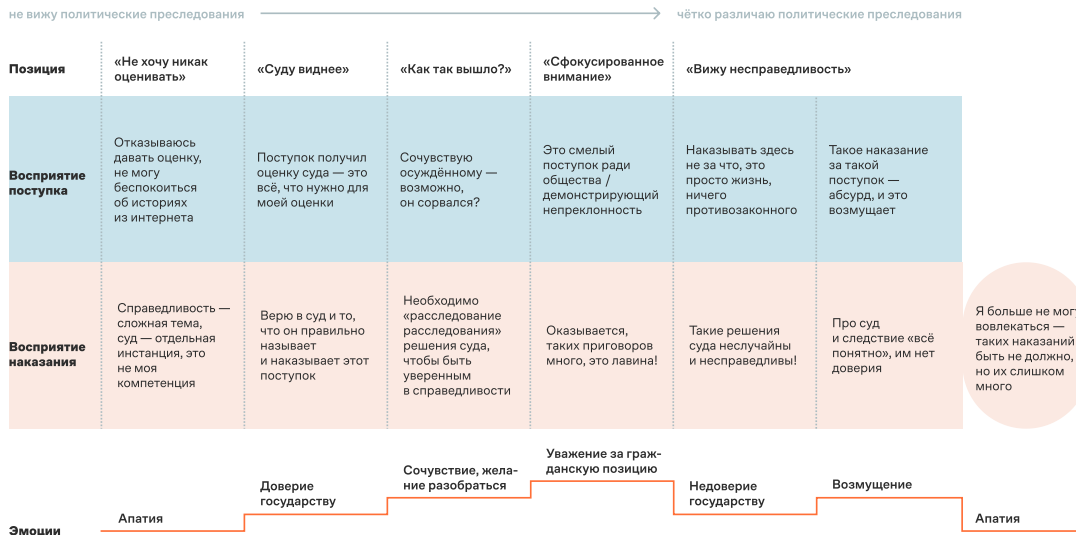
[О деле за попытку поджога военкомата] Я бы его в разговорной речи спокойно назвал репрессиями, исходя из эмоциональной реакции. То есть, потому что я могу чувствовать какую-то антивоенную солидарность с этими людьми. Я понимаю, что преступление преступлением, но поступок, на мой взгляд, оправданный.

Егор, хорошо информированный, Армения

СJM ПОГРУЖАЮЩЕГОСЯ В ТЕМУ РЕПРЕССИЙ

Погружение в тему репрессий

На восприятие больше всего влияют эмпатия и информация о расследовании

Погружение в тему репрессий

Восприятие поступка/деятельности до приговора

Рассмотрим, как на разных этапах пути погружения в тему может рассматриваться то, что стало причиной наказания. Чаще всего, обсуждались поступки или деятельность в кейсах: публикация о войне соцсетях, работа в Мемориале, бросок коктейлей молотова, членство в Свидетелях Иеговы, подписка на ФБК.

0. Я отказываюсь давать оценку, т. к. не могу беспокоиться об историях из интернета

Согласие на попытку дать оценку происходящему в кейсе, пусть и с оговоркой о недостатке информации, — это уже первый шаг к тому или иному восприятию приговора. Однако некоторые принципиально отказываются вовлекаться в этот мысленный эксперимент, объясняя это нерелевантностью их экспертизе или жизни, уровню сил.

1. Поступок получил оценку суда — это все, что нужно для моей оценки

Человек, не погруженный в тему репрессий, не ставит под сомнение приговоры и решения суда. Он верит в институт права и/или сами суды, в следствие, доверяет представленным доказательствам, правильному подбору статей обвинения, верит в возможность оправдательного приговора.

На этом этапе легализм преобладает над эмпатией. Поступок или продолжение деятельности видятся глупыми, заведомо нарушающими «правила игры», установленные государством и известные всем:

[Отсылая к делу Pussy Riot] Мы всегда знаем, как лучше правильно себя вести. То есть и в этот список никак не входит коктейль Молотова. В этот список никак не входит прийти в церковь и начать там что-то там, какие-то там демонстрации свои. У церкви свои демонстрации. Они всем нравятся, которые туда ходят. Вас там не ждут. Мы же, даже не опираясь на закон, мы всегда знаем, как нужно правильно. И поэтому как бы ждатель, что мы совершаем неправильные шаги, и нас будут гладить по головке и говорить: «Молодцы, хорошо сделали, что кинули коктейль Молотова, хорошо сделали, что пришли в церковь побуянили...»

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Право на протест на этом этапе не признается — он кажется бессмысленным, опасным, оскорбительным. Причины протеста неинтересны — и в итоге он видится не политическим действием, а хулиганством:

Р.: Что делать вот с этими какими-нибудь Pussy Riot'ами я, честно говоря, не знаю. <...> По идее, они же ничего не сделали противозаконного. Чего они там пришли, что они там делали... Я, честно говоря, не помню даже эту историю — уже очень давно было. Ну что-то как-то вели себя непристойно, скажем.

И.: Они спели в храме Христа Спасителя «Богородица, Путина прогони».

Р.: А, они все-таки на власть наезжали. Они то есть не просто непристойно себя вели. Я даже не знала, что они там чего-то на Путина наезжали. Вот. Я думала, что они просто непристойно себя вели. Но даже... Хорошо, исключим из этой схемы Путина. Просто они вели себя непристойно в храме. По идее, они же ничего плохого не делали. Хорошо, давай возьмем не Pussy Riot. Давай возьмем просто там, не знаю, трех девчонок, которые этим занимаются. <...> Которые пришли, скажем, там, в магазин и начали показывать сиськи, письки, не знаю, что там еще — факи показывают там, еще что-нибудь. Вот, вроде бы они ничего не делают противозаконного. Хотя, конечно, демонстрация порно в общественных местах... Хорошо, пусть они не демонстрировали. Они, предположим, что-то можно такое делать, что укладывается в закон, но при этом нам будет неприятно. Например, плевали на пол.

Анастасия, хуже информированная, Республика Карелия

Другой вариант видения протеста — болезнь, поломка:

И.: То есть решение суда получается справедливое в отношении таких людей. А вот эти поджоги — это что? Это... как бы... глупость? Вот если охарактеризовать одним-двумя словами...

Р.: Понимаете... вот как это... инфекция. Зараза такая пошла... как этот ковид.

Ольга, хуже информированная, Москва

Для тех же, кто признает право на протест, именно его реализация становится веской причиной для солидаризации и морального оправдания уничтожения государственного имущества в случае с попыткой поджога военкомата.

Сложность перехода с данного этапа пути далее в том, что цена отказа от привычного доверия институту права высока, это в сильной степени вынуждает поменять картину мира:

[О приговоре Юрию Дмитриеву] Если хотели так его политическую позицию этим уничтожить, то это вообще аморально, вообще со всех сторон аморально.

Ольга, хуже информированная, Москва

2. Сочувствую осужденному — возможно, он сгоряча?

Протест видится дерзостью и глупостью, необдуманным поступком, но при этом часто с сочувствием к героям кейсов:

[о публикации в соц. сетях] Необдуманно просто человек...

Ольга, хуже информированная, Москва

Это этап появления интереса к мотивации поступка. Часто даже хуже информированные респонденты предполагают — при доверии к суду в целом, — что приговор вынесен скоропалительно, без глубоко честного погружения в природу поступка. При этом природа поступка для респондентов неочевидна — есть явное желание узнать больше о том, чем руководствовались герои истории, поступая так или иначе:

И.: Поняла вас. Да. А какова роль государства в этой истории, как вы считаете?

Р.: Ну, государство, мне кажется, знаете, тоже надо подходить. Почему этот человек из каких позиций, почему он пришел к такому мнению? Прежде всего, надо выявить суть человека, причину его этого заявления, чем мотивация его поступков. А потом уже выносит какое-то решение, понимаете? Я считаю, что это тоже не сразу надо штрафовать, выносить какие-то суждения. Ведь, как говорится, известная истина. А судьи кто? Прежде всего, надо посмотреть, кто и чем это руководствовался при вынесении данного вердикта.

Ольга, хуже информированная, Москва

3. Это смелый самоотверженный поступок, направленный на общество / демонстрирующий непреклонность

Это та точка в «пользовательском пути», где информация о конкретных мотивах и убеждениях позволяет в значительной мере солидаризироваться и сочувствовать герою истории. Если человек попал под репрессии не «сгоряча», а благодаря настойчивости в проявлении гражданской позиции, это делает его видимым одновременно и для государства, но и для гражданского общества:

Любая помощь в сборе средств, клич в народ или популярного блогера, лидера общественного мнения или участника правозащитной организации, который чаще всего может быть иноагентом, она может навредить археологу довольно серьезно. То есть надо... Я бы с ним сначала поговорила, на самом деле. У него все-таки есть план, который можно уважать, да: залезть под корягу дальше и ничего подобного не публиковать — я бы сказала: «Старичок, ну ты давай, справляйся сам и, действительно, давай, уходи под корягу». А если он собирается там обжаловать, если он сохраняет гражданскую позицию — то да, помогать.

Татьяна, эксперт, ЕС

Поступки, ставшие причинами наказания, представляются как неудобные для государства (например, уволенная врач в поликлинике, действующая в интересах пациента, а не руководства) и направленные на заботу о других:

[о попытке поджога военкомата] Для меня это опять же героические личности, которые пытаются отстаивать мою свободу, права и жизни и благополучие 4000 семей.

Валерия, хорошо информированная, Россия

Сочувствие «неудобным» может играть роль основы для солидаризации, особенно для хуже информированных людей. Категория «неудобного человека» свободна от политического смысла, однако хорошо понятна необходимость поддержки таких людей:

[об увольнении дознавателя] противостоять этому очень сложно. И в одиночку, конечно, не справиться.
Ольга, хуже информированная, Москва

Так же и для хорошо информированных респондентов — например, сочувствие и воодушевление вызывают «неудобные» сотрудники правоохранительных органов:

Такие кейсы супер важны именно для того, чтобы не забывать о том, что это вообще-то такие же точно люди, как я. И я по-прежнему хочу быть уверена в том, что довольно много людей — не просто кровожадные или холодные убийцы или функционеры.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

4. Наказывать здесь не за что, это просто жизнь (ничего противозаконного в совершенном действии не было)

Важен мотив жизни — человек жил свободно, говорил свою правду. Штраф — не срок, но в то же время археолога воспринимают как репрессированного, потому что он высказывал свое мнение.

Если он огульно что-то сказал, он, значит, где-то потом изменит свое мнение. Если он долго к этому шел, значит, он через несколько вот этих вот уже закона нарушений <...> к этому и шел. Все равно человек осознанно должен прийти к какому-то решению, подтвердить его и быть убежденным в своей правоте. И репрессии... вот попадаешь под репрессии за свои взгляды, за свои как говорится, несовместимые, наверное, с позицией государства, некоторых... или чиновников.

Ольга, хуже информированная, Москва

5. Такое наказание за такой поступок — это абсурд, и это возмущает

Объективация наказаний как политического преследования и репрессий как «абсурдного». Это выражение присуще экспертам и более информированным людям. Однако к выводу об абсурдности наказания приходят и хуже информированные, часто через сопоставление принципа свободы слова и штрафа за слова или реагируя на величину срока заключения в тюрьме.

Ну, государство, мне кажется, знаете, тоже надо подходить. Почему этот человек... из каких позиций, почему он пришел к такому мнению? Прежде всего, надо выявить суть человека, причину его этого заявления, в чем мотивация его поступков. А потом уже выносить какое-то решение, понимаете? Я считаю, что это тоже не сразу надо штрафовать, выносить какие-то суждения. Ведь, как говорится, известная истина. «А судьи кто?» Прежде всего, надо посмотреть, кто и чем руководствовался при вынесении данного вердикта.

Ольга, хуже информированная, Москва

Рассказывать, например, очень коротко, что под оправдания экстремизма попал человек, который там условно выложил фотку с Навальным или, там, 20 лет назад выложил какую-нибудь песню на странице во ВКонтакте, а сейчас она попала в список запрещенной экстремистской музыки. И вот сейчас к нему пришли как оправдателю терроризма и экстремизма. Ну, вот какие-то такие вещи хотели бы публиковать у каких-то партнеров в СМИ. <...> Мне кажется, что мы просто должны договориться с Педузой, и чтобы они в конце писали — «А вот это не шутка».

Вера, хорошо информированная, Сербия

Восприятие наказания

Многие информанты сочувствуют фигурантам кейсов, но отмечают, что они «играли не по правилам» (зная, что писать о войне опасно, продолжали делать это и т. п.). В то же время, критическое отношение к суду и самим «правилам», часто не проговариваемое и само собой разумеющееся, присуще, прежде всего, хорошо информированным людям и экспертам. Таким образом, если эксперты сочетают уважение к фигурантам и знание о политически обусловленных практиках обвинения, то у менее информированных людей мы чаще находим сочувствие фигурантам при менее критическом отношении к суду и назначенному наказанию.

Другой аспект наказаний — степень их распространенности. Представление о том, что обсуждаемые наказания являются редкими и единичными случаями — распространенный барьер на пути к большому погружению в тему.

0. Справедливость — сложная тема, суд — отдельная инстанция, это не мой масштаб и компетенция

Так же, как и в случае с оценкой поступка обвиняемого, есть респонденты, принципиально отказывающиеся давать оценку приговору, поскольку видят непреодолимый барьер между своим опытом и вопросами как работы суда, так и справедливости в целом.

1 Верю в суд и то, как он называет этот поступок
(экстремизм, секта, угроза, ...)

Важно учитывать, что согласие с приговорами суда — это доверие к силе государства, а не персональное желание жестокого ответа для «нарушителей».

1 Необходимо «расследование расследования»,
пристальное внимание к тому, как было принято решение, «чем руководствовался судья», назначая это наказание.

Это тот этап, когда для уверенности в адекватности наказания (его бремени или самого факта наказания) необходимы дополнительные данные — важно знать, чем руководствовался суд, какие доказательства и обстоятельства были приняты во внимания.

1 Оказывается, таких событий много, это лавина!

Несмотря на то, что обилие новостей о репрессиях может вести к притуплению чувств, информация о массовых наказаниях также важна на пути к большей чувствительности к репрессиям. Нередко респонденты определяют репрессии по количеству случаев:

И: А можно ли назвать это репрессиями? [увольнение полицейской]

Интервьюируемая: Ну, репрессии я не знаю. Нет репрессии здесь, наверное. Более узко здесь немного... репрессии — это более масштабно, широко. И потом это идёт, знаете, лавиной репрессии, массово.

А единичные — это как-то...

Ольга, хуже информированная, Москва.

Хуже информированные респонденты при этом часто не знают о других случаях, схожих с представленными в кейсах, и считают такие дела случайными и редкими.

При этом важны суждения экспертов, которым доверяет человек в оценке массовости или не массовости репрессий сегодня:

И: Если мы говорим <...> в целом про политические преследования или репрессии. Как тебе кажется, есть ли какие-то риски, которые увеличивают вероятность попасть под такое дело или под какие-то последствия?

Р: Я не могу оценивать эту ситуацию. Просто потому, что я не знаю, мне для этого нужна здоровенная статистика. Но, если хочешь, могу сослаться на слова Шульман, которая говорила, что пока что это просто точечные какие-то приколы.

Светлана, хуже информированная, Новосибирская область

1 Такие решения суда неслучайны и несправедливы

Судебные решения вызывают негативную реакцию, тоску и чувство бессилия. Их жестокость не случайна, а является

естественным продуктом системы или, возможно, чьим-то стремлением «заработать палки»:

Что ты думаешь про решение суда здесь? [00:24:23]
[36.3]

Speaker 2: Да это пиздец. Это очень широко освещалось именно потому, что это очередное сфабрикованное высосанное из пальца обвинение, политически мотивированное, которое при этом не встречает никакого сопротивления структуры суда, прокуратуры. Выполняется некая рутинная работа, все окей.

Алия, хорошо информированная, Кыргызстан

1 Про суд и следствие «все понятно» — от них не ждут справедливых действий.

2 Таких наказаний быть не должно, но их так много, что это не трогает меня

Обилие однотипных случаев и неспособность влиять на них вызывает ощущение «притупления чувств».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гайды интервью

Гайд для экспертов

Знакомство, бэкграунд

Познакомиться, очертить границы экспертизы

- 1** Для начала расскажите, пожалуйста, о себе. Сколько вам лет?
- 2** Чем вы занимаетесь, кем работаете?
- 3** Как вы считаете, кто ваша аудитория/благополучатели вашей работы?

Медиа-потребление

Зафиксировать, каковы контекстах и ситуациях человек знаком с.

Со стороны человека: критика власти, протест, свобода, несогласие...

Со стороны давящего: давление, преследование», репрессии, неправомерное что-то, цензура, устрашение...

- 1** А вы следите за новостями? Кого читаете, смотрите? За какой информацией вам важно следить? Если сравнить с тем, как было 3-5 лет назад, есть ли какие-то темы, которые стали вас волновать больше? Или наоборот, про что стало неинтересно читать/смотреть? Перестали читать одно медиа, стали другое? Как так получилось?
- 2** Обсуждаете ли вы с друзьями, близкими, коллегами что-то из новостей/событий? Почему обсуждаете именно это? Почему нет?
- 3** Бывает ли, что какие-то истории из медиа вас обычно волнует/трогает/цепляет, вы переживаете за участников истории?
- 4** Если вас цепляет какая-то история, что вы обычно делаете? (скинет в чате, репостнет, напишет свой комментарий, выйдет на улицу...). *Попросить привести примеры, расспросить в целом следит ли за подобными историями или эта исключение. Если говорит про преследования, то раскручивать оттуда.*
- 5** А какие истории, какая информация вдохновляет/поднимает дух/дает надежду? Почему эта?

Политическое: личное и кейсы

Цели — ввести понятия + выяснить:

- *Узнаваемость кейсов — какие элементы ситуации выделяет, через что кейс определяется информантом*
- *Как видит основание, по которому ситуация отнесена к репрессиям, совпадает ли с видением ОВД-инфо*
- *Видение роли ОВД-инфо и других вариантов помощи и освещения (знает ли об участии, считает ли, что нужно такое участие)*

Сейчас я предложу вам несколько материалов для обсуждения. Они могут быть тяжелыми, поэтому напомню, что вы можете попросить меня пропустить что-либо в любой момент или взять паузу.

Кейс 1

Археолог из Великого Новгорода написал в своих соцсетях такой пост: «Мобилизация, это когда люди, не желающие умирать, посылают на смерть людей, не желающих воевать». Под постом был его комментарий о том, сколько российских военнослужащих могло погибнуть в Украине. За эти пост и комментарий суд оштрафовал его на 30 тысяч рублей по статье о дискредитации армии.

Кейс 2

В 2016 г. историка обвинили в изготовлении детской порнографии с участием его приемной дочери, в 2018 — в насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица. Суд приговорил его к 3,5 годам лишения свободы. Затем срок был повышен до 15 лет. До заключения он работал в местном отделении правозащитной организации, значительную часть времени посвящал мемориальному комплексу жертв тайных казней, проводимых НКВД в 1930-х годах. Вскоре организация, где он работал, была признана иностранным агентом и ликвидирована по решению суда.

Кейс 3

В октябре 2022 года двое музыкантов бросили несколько коктейлей Молотова в окно администрации города Бакал, где находился военно-учетный стол. Сотрудница стола рассказывала в суде, что поджог мог бы уничтожить картотеку на 4000 человек. В результате загорелся линолеум, очаг возгорания ликвидировала женщина-сторож. Мужчинам назначили по 19 лет лишения свободы.

Кейс 4

В Самаре прошли массовые обыски у свидетелей Иеговы. Пожилой мужчина рассказал, что сотрудники полиции прикладывали к его рукам нагретый чайник и поливали его кипятком из-за того, что он отказался сообщать пароль от ноутбука. Суд приговорил четырех человек к семи годам колонии за организацию экстремистской деятельности.

Кейс 5

Старшего дознавателя из Томска заставили уволиться из полиции за то, что она была подписана на «Фонд борьбы с коррупцией» и «Умное голосование», а также комментировала публикации о плохих дорогах в Томске и обсуждала в сети поправки к Конституции.

Вопросы к обсуждению каждого кейса

- 1** Что особенно привлекло ваше внимание? Что запомнилось, что для вас наиболее значимо?
- 2** Почему это произошло? (смотрим на общность обоснований от респондента и ОВД-инфо)
- 3** Чьи интересы отстаивает обвинение? Кому нанесло вред действие (я), которое совершил [обвиняемый в кейсе]?
- 4** Какая роль государства в этой истории?
- 5** Можно ли было что-то сделать, чтобы избежать того, что произошло?
- 6** Какая помощь нужна тому, кто попал в такую ситуацию (на кого завели дело / увольняют)?

Дополнительно: —

Кейс 3:

А если бы картотека сгорела? А если бы пострадал кто-то из людей? А если мы знаем, что мужчины были пьяные?

Кейс 5:

А если она многодетная мать? А если это не один случай, а волна увольнений? А если бы она высказывалась не за Навального, а против войны?

- 1** Можно ли считать это злоупотреблением [правом]? Почему? А репрессиями? Почему? *На основании чего информант проводит разграничение и расспрашиваем про эти границы подробнее*
- 2** Вы слышали про такие случаи раньше?
- 3** Как вам кажется, часто ли происходит такое? Почему?
- 4** С кем это может произойти с большей вероятностью?

В конце после всех кейсов:

- 1** Есть ли что-то, что объединяет эти случаи?
- 2** Какие последствия такие случаи могут иметь для других, общества?
- 3** Если представить линейку/шкалу, где на одном конце — политическое преследование/репрессия, то что из описанных случаев было бы ближе всего к этому концу, а что — дальше всего? Почему?

Доп. основания, интересные ОВД-Инфо:

Хочу обсудить с вами еще два вида ситуаций:

- 1** Если говорить про признание иностранным агентом человека или организацию, считаете ли вы это несправедливостью, политическими преследованиями, репрессиями? Почему? На ваш взгляд, кому обычно дается этот статус? Почему он дается? Какие последствия у этого?

- 2** А когда человека арестовывают, штрафуют за участие на митингах, является ли это несправедливостью, политическими преследованиями, репрессиями? Почему?

Репрессии: профессиональное и личное

- 1** Истории, о которых мы говорили в начале, и такие истории, как о которых вы рассказали (если было), как-то влияют на вашу жизнь?
- 2** А на ваши чувства, мысли, поведение?
- 3** Что вы чувствуете, когда думаете/слышите про подобные случаи?
- 4** Что в таких случаях ненавистнее, неприятнее вам больше всего?
- 5** А изменились ли ваши привычки, практики? *Может быть, стали что-то другое читать, ходить другими дорогами, соблюдать правила цифровой безопасности, подготовили все для отъезда...*
- 6** В целом вы ощущаете себя в безопасности сейчас? *[Дополнительно расспрашиваем про физическую, правовую, финансовую безопасность, социальную включенность и тп].* Такой уровень безопасности (достатка, защищённости) — это привычно для вас, или это менялось?
- 7** Знаете ли вы в вашем профессиональном поле ситуации, которые вы бы охарактеризовали как политическое преследование, репрессии?
- 8** Понятно ли, почему эта ситуация произошла? Можно ли было её избежать?
- 9** Почему, на ваш взгляд, правоохранители/судьи повели себя так, как повели?
- 10** Как, вам кажется, будет развиваться дальнейшая судьба этого человека?
- 11** Влияет ли ситуация репрессий на других людей, помимо пострадавшего? На кого? Каким образом?
- 12** Что можно было сделать, чтобы сопротивляться?

13 Насколько это типичный кейс для вашей практики?

А какие ещё бывают истории, которые вы бы описали как политические репрессии?

Обобщения в работе/личном отношении:

1 Можно ли разделить репрессии на какие-то «сегменты» или «категории»?

2 Были ли такие события, насчет которых вы сомневались, можно ли считать это политической репрессией или нет? Какие? Почему вы сомневались?

3 Есть ли виды или конкретные случаи репрессий, особенно страшные, разрушительные для общества, с вашей точки зрения? Почему?

Осведомленность и общая ситуация

Говорим про общие тренды

- 1** Кто интересуется, поднимает тему репрессий, на ваш взгляд? Кто готов читать много о подобных сюжетах?
- 2** Как вам кажется, почему некоторые люди безразличны к теме злоупотреблений суда или работодателя, репрессий? Что можно сделать, чтобы их заинтересовать этой темой?
- 3** Нужно ли знакомить людей с этой темой? Почему?
- 4** Какие сейчас есть варианты «просвещения», повышения осведомленности в этой теме?
- 5** На что, как вам кажется, в теме злоупотреблений/ репрессий не обращают достаточного внимания/что не освещается достаточно?
- 6** Наблюдаете ли вы различные подходы к репрессиям в медиа, которые могут влиять на читателей? Какие?
- 7** Работа по увеличению осведомленности о репрессиях и их последствиях, на кого она должна быть направлена? На какие аудитории?
- 8** Как вы оцениваете ситуацию с применением политических репрессий сегодня? Что и кто может повлиять на эту ситуацию?
- 9** Какие факторы внутри и вне страны влияют на распространенность и интенсивность политических репрессий в России?

Гайд для хорошо информированных респондентов

Знакомство, бэкграунд

Познакомиться, очертить границы экспертизы

- 1** Для начала расскажите, пожалуйста, о себе. Сколько вам лет?
- 2** Чем вы занимаетесь, кем работаете?
- 3** Как вы считаете, кто ваша аудитория/благополучатели вашей работы?

Медиа-потребление

Зафиксировать, каковы контекстах и ситуациях человек знаком с.

Со стороны человека: критика власти, протест, свобода, несогласие...

Со стороны давящего: давление, преследование», репрессии, неправомерное что-то, цензура, устрашение...

- 1** А вы следите за новостями? Кого читаете, смотрите? За какой информацией вам важно следить? Если сравнить с тем, как было 3-5 лет назад, есть ли какие-то темы, которые стали вас волновать больше? Или наоборот, про что стало неинтересно читать/смотреть? Перестали читать одно медиа, стали другое? Как так получилось?
- 2** Обсуждаете ли вы с друзьями, близкими, коллегами что-то из новостей/событий? Почему обсуждаете именно это? Почему нет?
- 3** Бывает ли, что какие-то истории из медиа вас обычно волнует/трогает/цепляет, вы переживаете за участников истории?
- 4** Если вас цепляет какая-то история, что вы обычно делаете? (скинет в чате, репостнет, напишет свой комментарий, выйдет на улицу...). Попросить привести примеры, расспросить в целом следит ли за подобными историями или эта исключение. Если говорит про преследования, то раскручивать оттуда.
- 5** А какие истории, какая информация вдохновляет/поднимает дух/дает надежду? Почему эта?

Политическое: личное и кейсы

Цели — ввести понятия + выяснить:

- *Узнаваемость кейсов — какие элементы ситуации выделяет, через что кейс определяется информантом*
- *Как видит основание, по которому ситуация отнесена к репрессиям, совпадает ли с видением ОВД-инфо*
- *Видение роли ОВД-инфо и других вариантов помощи и освещения (знает ли об участии, считает ли, что нужно такое участие)*

Сейчас я предложу вам несколько материалов для обсуждения. Они могут быть тяжелыми, поэтому напомню, что вы можете попросить меня пропустить что-либо в любой момент или взять паузу.

Кейс 1

Археолог из Великого Новгорода написал в своих соцсетях такой пост: «Мобилизация, это когда люди, не желающие умирать, посылают на смерть людей, не желающих воевать». Под постом был его комментарий о том, сколько российских военнослужащих могло погибнуть в Украине. За эти пост и комментарий суд оштрафовал его на 30 тысяч рублей по статье о дискредитации армии.

Кейс 2

В 2016 г. историка обвинили в изготовлении детской порнографии с участием его приемной дочери, в 2018 — в насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица. Суд приговорил его к 3,5 годам лишения свободы. Затем срок был повышен до 15 лет. До заключения он работал в местном отделении правозащитной организации, значительную часть времени посвящал мемориальному комплексу жертв тайных казней, проводимых НКВД в 1930-х годах. Вскоре организация, где он работал, была признана иностранным агентом и ликвидирована по решению суда.

Кейс 3

В октябре 2022 года двое музыкантов бросили несколько коктейлей Молотова в окно администрации города Бакал, где находился военно-учетный стол. Сотрудница стола рассказывала в суде, что поджог мог бы уничтожить картотеку на 4000 человек. В результате загорелся линолеум, очаг возгорания ликвидировала женщина-сторож. Мужчинам назначили по 19 лет лишения свободы.

Кейс 4

В Самаре прошли массовые обыски у свидетелей Иеговы. Пожилой мужчина рассказал, что сотрудники полиции прикладывали к его рукам нагретый чайник и поливали его кипятком из-за того, что он отказался сообщать пароль от ноутбука. Суд приговорил четырех человек к семи годам колонии за организацию экстремистской деятельности.

Кейс 5

Старшего дознавателя из Томска заставили уволиться из полиции за то, что она была подписана на «Фонд борьбы с коррупцией» и «Умное голосование», а также комментировала публикации о плохих дорогах в Томске и обсуждала в сети поправки к Конституции.

Вопросы к обсуждению каждого кейса

- 1** Что особенно привлекло ваше внимание? Что запомнилось, что для вас наиболее значимо?
- 2** Почему это произошло? (смотрим на общность обоснований от респондента и ОВД-инфо)
- 3** Чьи интересы отстаивает обвинение? Кому нанесло вред действие (я), которое совершил [обвиняемый в кейсе]?
- 4** Какая роль государства в этой истории?
- 5** Можно ли было что-то сделать, чтобы избежать того, что произошло?
- 6** Какая помощь нужна тому, кто попал в такую ситуацию (на кого завели дело / увольняют)?

Дополнительно: —

Кейс 3:

А если бы картотека сгорела? А если бы пострадал кто-то из людей? А если мы знаем, что мужчины были пьяные?

Кейс 5:

А если она многодетная мать? А если это не один случай, а волна увольнений? А если бы она высказывалась не за Навального, а против войны?

- 1 Можно ли считать это злоупотреблением [правом]? Почему? А репрессиями? Почему? *На основании чего информант проводит разграничение и расспрашиваем про эти границы подробнее*
- 2 Вы слышали про такие случаи раньше?
- 3 Как вам кажется, часто ли происходит такое? Почему?
- 4 С кем это может произойти с большей вероятностью?

В конце после всех кейсов:

- 1 Есть ли что-то, **что объединяет эти случаи?**
- 2 Какие **последствия такие случаи могут иметь для других, общества?**
- 3 Если представить линейку/шкалу, где на одном конце — политическое преследование/репрессия, то что из описанных случаев было бы ближе всего к этому концу, а что — дальше всего? Почему?

Доп. основания, интересные ОВД-Инфо:

Хочу обсудить с вами еще два вида ситуаций:

- 1** Если говорить про признание **иностранным агентом** человека или организацию, считаете ли вы это несправедливостью, политическими преследованиями, репрессиями? Почему? На ваш взгляд, кому обычно дается этот статус? Почему он дается? Какие последствия у этого?

- 2** А когда человека арестовывают, штрафуют за участие на **митингах**, является ли это несправедливостью, политическими преследованиями, репрессиями? Почему?

Репрессии: профессиональное и личное

- 1** Истории, о которых мы говорили в начале, и такие истории, как о которых вы рассказали (если было), как-то влияют на вашу жизнь?
- 2** А на ваши чувства, мысли, поведение?
- 3** Что вы чувствуете, когда думаете/слышите про подобные случаи?
- 4** Что в таких случаях ненавистнее, неприятнее вам больше всего?
- 5** А изменились ли ваши привычки, практики? *Может быть, стали что-то другое читать, ходить другими дорогами, соблюдать правила цифровой безопасности, подготовили все для отъезда...*
- 6** В целом вы ощущаете себя в безопасности сейчас? *[Дополнительно расспрашиваем про физическую, правовую, финансовую безопасность, социальную включенность и тп].* Такой уровень безопасности (достатка, защищённости) — это привычно для вас, или это менялось?
- 7** Знаете ли вы в вашем профессиональном поле ситуации, которые вы бы охарактеризовали как политическое преследование, репрессии?
- 8** Понятно ли, почему эта ситуация произошла? Можно ли было её избежать?
- 9** Почему, на ваш взгляд, правоохранители/судьи повели себя так, как повели?
- 10** Как, вам кажется, будет развиваться дальнейшая судьба этого человека?
- 11** Влияет ли ситуация репрессий на других людей, помимо пострадавшего? На кого? Каким образом?
- 12** Что можно было сделать, чтобы сопротивляться?

13 Насколько это типичный кейс для вашей практики?

А какие ещё бывают истории, которые вы бы описали как политические репрессии?

Обобщения в работе/личном отношении:

1 Можно ли разделить репрессии на какие-то «сегменты» или «категории»?

2 Были ли такие события, насчет которых вы сомневались, можно ли считать это политической репрессией или нет? Какие? Почему вы сомневались?

3 Есть ли виды или конкретные случаи репрессий, **особенно страшные, разрушительные для общества**, с вашей точки зрения? Почему?

Осведомленность и общая ситуация

Говорим про общие тренды

Сейчас я хотела бы задать ряд завершающих вопросов.

- 1** Кто интересуется, поднимает тему репрессий, на ваш взгляд? Кто готов читать много о подобных сюжетах?
- 2** Как вам кажется, почему некоторые люди безразличны к теме злоупотреблений суда или работодателя, репрессий? Что можно сделать, чтобы их заинтересовать этой темой?
- 3** Нужно ли знакомить людей с этой темой? Почему?
- 4** Какие сейчас есть варианты «просвещения», повышения осведомленности в этой теме?
- 5** На что, как вам кажется, в теме злоупотреблений/ репрессий не обращают достаточного внимания/что не освещается достаточно?
- 6** Наблюдаете ли вы различные подходы к репрессиям в медиа, которые могут влиять на читателей? Какие?
- 7** Работа по увеличению осведомленности о репрессиях и их последствиях, на кого она должна быть направлена? На какие аудитории?
- 8** Как вы оцениваете ситуацию с применением политических репрессий сегодня? Что и кто может повлиять на эту ситуацию?
- 9** Какие факторы внутри и вне страны влияют на распространенность и интенсивность политических репрессий в России?

Гайд для хуже информированных респондентов

Познакомиться

Для начала расскажите, пожалуйста, о себе.

- 1** Сколько вам лет?
- 2** Чем вы занимаетесь, кем работаете?

Медиа-потребление

Зафиксировать, каковы контекстах и ситуациях человек знаком с.

Со стороны человека: критика власти, протест, свобода, несогласие...

Со стороны давящего: давление, преследование», репрессии, неправомерное что-то, цензура, устрашение...

- 1** Как вы следите за тем, что происходит вокруг? Следите за новостями? Что-то читаете или вам рассказывают?
- 2** Какого рода материалы обычно читаете, где (какие медиа)?
- 3** За какой информацией вам важно следить? Если сравнить с тем, как было 3-5 лет назад, есть ли какие-то темы, которые стали вас волновать больше? Или наоборот, про что стало неинтересно читать/смотреть? Перестали читать одно медиа, стали другое? Как так получилось?
- 4** Обсуждаете ли вы с друзьями, близкими, коллегами что-то из новостей/событий? Почему обсуждаете именно это? Почему нет?
- 5** Бывает ли, что какие-то истории из медиа вас обычно волнует/трогает/цепляет, вы переживаете за участников истории?
- 6** Если вас цепляет какая-то история, что вы обычно делаете? (скинет в чате, репостнет, напишет свой комментарий...). Менялось ли это со временем? (например, стали осторожнее репостить/реже делиться). Попросить привести примеры, расспросить в целом следит ли за подобными историями или эта исключение. Если говорит про преследования, то раскручивать оттуда.
- 7** А какие истории, какая информация вдохновляет/поднимает дух/дает надежду? Почему эта?

Кейсы

Сейчас я предложу вам несколько материалов для обсуждения. Они могут быть тяжелыми, поэтому напомним, что вы можете попросить меня пропустить что-либо в любой момент или взять паузу.

Кейс 1

Археолог из Великого Новгорода написал в своих соцсетях такой пост: «Мобилизация — это когда люди, не желающие умирать, посылают на смерть людей, не желающих воевать». Под постом был его комментарий о том, сколько российских военнослужащих могло погибнуть в Украине. За эти пост и комментарий суд оштрафовал его на 30 тысяч рублей по статье о дискредитации армии.

Кейс 2

В 2016 г. историка обвинили в изготовлении детской порнографии с участием его приемной дочери, в 2018 — в насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица. Суд приговорил его к 3,5 годам лишения свободы. Затем срок был повышен до 15 лет. До заключения он работал в местном отделении правозащитной организации, значительную часть времени посвящал мемориальному комплексу жертв тайных казней, проводимых НКВД в 1930-х годах. Вскоре организация, где он работал, была признана иностранным агентом и ликвидирована по решению суда.

Кейс 3

В октябре 2022 года двое музыкантов бросили несколько коктейлей Молотова в окно администрации города Бакал, где находился военно-учетный стол. Сотрудница стола рассказывала в суде, что поджог мог бы уничтожить картотеку на 4000 человек. В результате загорелся линолеум, очаг возгорания ликвидировала женщина-сторож. Мужчинам назначили по 19 лет лишения свободы.

Кейс 4

В Самаре прошли массовые обыски у свидетелей Иеговы. Пожилой мужчина рассказал, что сотрудники полиции прикладывали к его рукам нагретый чайник и поливали его кипятком из-за того, что он отказался сообщать пароль от ноутбука. Суд приговорил четырех человек к семи годам колонии за организацию экстремистской деятельности.

Кейс 5

Старшего дознавателя из Томска заставили уволиться из полиции за то, что она была подписана на «Фонд борьбы с коррупцией» и «Умное голосование», а также комментировала публикации о плохих дорогах в Томске и обсуждала в сети поправки к Конституции.

Вопросы к обсуждению каждого кейса:

- 1** Что особенно привлекло ваше внимание? Что запомнилось, что для вас наиболее значимо?
- 2 Почему это произошло?** А еще? Как вы бы сформулировали своими словами, за что наказывают обвиняемого? *Смотрим на общность обоснований от респондента и ОВД-инфо.*
- 3** Чьи интересы отстаивает обвинение? Кому нанесло вред действие (я), которое совершил [обвиняемый в кейсе]?
- 4** Какая роль государства в этой истории?
- 5** Есть ли те, кто помогает пострадавшим в данной ситуации? Какая это помощь? А какая помощь, вообще, нужна?
- 6** Можно ли было что-то сделать, чтобы избежать того, что произошло?
- 7 Что вы думаете про решение суда (работодателя)? На ваш взгляд, оно справедливо? Если нет, то какое наказание было бы справедливым?**

Можно здесь поспрашивать о дополнительных чертах —

Кейс 3:

А если бы картотека сгорела? А если бы пострадал кто-то из людей? А если мы знаем, что мужчины были пьяные?

Кейс 5:

А если она многодетная мать? А если это не один случай, а волна увольнений? А если бы она высказывалась не за Навального, а против войны?

1 Можно ли назвать произошедшее злоупотреблением [правом]? Почему? А репрессиями? Что именно делает это злоупотреблением? *Обращаем внимание на то, на основании чего информант проводит разграничение и расспрашиваем про эти границы подробнее*

2 Вы слышали про такие случаи раньше?

3 Как вам кажется, часто ли происходит такое? Почему?

4 С кем это может произойти с большей вероятностью?

После обсуждения всех кейсов:

1 Есть ли что-то, **что объединяет эти случаи?**

2 А если говорить про ощущения от таких историй — что вы чувствуете, когда думаете/слышите про подобные случаи?

3 Если представить линейку/шкалу, где на одном конце — политическое преследование/репрессия, то что из описанных случаев было бы ближе всего к этому концу, а что — дальше всего? Почему?

Доп. основания, интересные ОВД-Инфо:

Хочу обсудить с вами еще два вида ситуаций:

1 Если говорить про признание **иностранным агентом** человека или организацию, считаете ли вы это несправедливостью, политическими преследованиями, репрессиями? Почему? На ваш взгляд, кому обычно дается этот статус? Почему он дается? Какие последствия у этого?

2 А когда человека арестовывают, штрафуют за участие в **митингах**, является ли это несправедливостью, политическими преследованиями, репрессиями?

Репрессии: личное

Узнать, что в глазах людей делает события несправедливыми — злоупотреблениями, репрессиями, какими атрибутами и характеристиками должна обладать ситуация, чтобы считаться репрессивной. Влияние представленного в кейсах и похожего на респондента.

- 1** Можете ли вы вспомнить случай, **судебное дело, о котором вы слышали** в новостях или от кого-то, которое вас зацепило, запомнилось? Что именно в нем зацепило?
 - 1.1** Что там происходило, на ваш взгляд? Что особенно запомнилось, привлекло внимание? Почему это происходило? *Расспрашиваем подробно, что и как человек узнал, какие элементы кейса его зацепили.*
 - 1.2** Что было после?
 - 1.3** Эта история как-то повлияла на вас? На ваши чувства, мысли, поведение?
 - 1.4** В целом вы ощущаете себя в безопасности сейчас? *[Дополнительно расспрашиваем про физическую, правовую, финансовую безопасность, социальную включенность и тп].* Такой уровень безопасности (достатка, защищенности) — это привычно для вас, или это менялось?
 - 1.5** Вы с кем-то обсуждали произошедшее?
- 2** Знаете ли вы кого-то лично, **в ближнем круге**, не из медиа, кто попадал под следствие в схожих обстоятельствах? Можете рассказать его/ее историю?
 - 2.1** Почему это произошло, как вы думаете?
 - 2.2** Как он/а реагировал/а на ситуацию? Что-то получилось? А вы что-то пытались сделать?
 - 2.3** Что было после?
 - 2.4** Как эта ситуация сказалась на вашей знакомой? Ее семье и близких? Изменилось ли что-то в вас?
- 3** Как думаете, подобные ситуации могли бы произойти с вами?
- 4** У кого/в каких ситуациях есть риск оказаться в зоне повышенного внимания государства?

Завершение

- 1** Как вам кажется, почему некоторые люди безразличны к теме злоупотреблений суда или работодателя, репрессий? Что можно сделать, чтобы их заинтересовать этой темой?
- 2** Нужно ли это делать (заинтересовывать)? Почему?